

ДАНИЭЛА
СТИЛ
Обещание

Даниэла Стил Обещание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122972

Даниэла Стил. Обещание: Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-44582-0

Оригинал: DanielleSteel, "The Promise"

Перевод:

Владимир А. Гришечкин

Аннотация

Юная художница Нэнси и Майкл, сын миллионерши, полюбили друг друга, но судьбе было угодно разлучить их. Лицо девушки изуродовано в автокатастрофе, и мать Майкла предлагает Нэнси оплатить дорогую пластическую операцию в обмен на обещание не искать встречи с ее сыном. Нэнси соглашается – она уверена в чувствах Майкла. Но он даже не знает, что Нэнси осталась жива.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	31
Глава 5	40
Глава 6	44
Глава 7	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Даниэла Стил

Обещание

Глава 1

Стояло погожее майское утро. На небе не было ни облачка, теплый ветерок лениво поигрывал нежной молодой листвой, в кронах деревьев на все лады звенели голоса невидимых птиц. Солнце припекало уже совсем по-летнему, и на стоянке университетского городка, куда Майкл и Нэнси зашли, чтобы забрать свои велосипеды, было довольно жарко, но в прилегающем к Эллиот-хаусу парке царилла благословенная прохладная тень.

Выкатив велосипеды на дорожку, они на мгновение остановились, улыбнулись друг другу. Солнечный свет играл и переливался в темных волосах Нэнси, и Майкл, любуясь ею, неожиданно почувствовал себя таким счастливым, что ему тоже захотелось запеть вместе с птицами.

Нэнси встретила с ним взглядом и вдруг начала смеяться.

– Ну что, уважаемый доктор¹ Хиллард, как вы себя чувствуете? – лукаво спросила она.

– Спроси об этом через пару недель, когда мне официально присвоят степень.

Он улыбнулся и тряхнул головой, отбрасывая со лба упавшую на глаза прядь светлых волос.

– Да плевать на твою степень! Я имела в виду, как ты себя чувствуешь после вчерашней ночи?

Нэнси снова рассмеялась, и Майкл шутливо шлепнул ее пониже спины.

– Ах ты, хитрюга! А как вы себя чувствуете, мисс Макаллистер? Вы еще можете ходить?

Перекинув ногу через седло, Нэнси обернулась к нему и показала язык.

– А ты? – спросила она и, оттолкнувшись от земли, покатила вперед, легко вращая педали новенького велосипеда, который он подарил ей на день рождения несколько месяцев назад.

Майкл любил ее. Он влюбился в Нэнси сразу же, как только впервые увидел ее два года назад. Одного взгляда было достаточно, чтобы Майкл понял – о такой женщине он мечтал всю свою жизнь.

До этого Майкл чувствовал себя в Гарварде довольно одиноко и был совершенно уверен, что его жизнь и дальше будет продолжаться в том же ключе. То, чем довольствовались другие, его почти не привлекало. В студенческие годы Майкл, как и все, много встречался с бойкими девицами из Рэдклиффа, Вассара или Уэллсли, но каждый раз обнаруживал, что ему чего-то не хватает. Он хотел большего – индивидуальности, содержательности, души.

Нэнси была особенной, ни на кого не похожей девушкой. Майкл понял это в тот самый момент, когда впервые увидел ее в Бостонской галерее, где выставлялись ее картины. Пейзажи Нэнси трогали его своей загадочностью и духом одиночества, который, казалось, незримо витал над туманными пустошами и горными хребтами, а портреты были проникнуты какой-то особой искренностью, и Майкл несколько раз ловил себя на том, что испытывает теплые чувства и к изображенным на холстах людям, и к художнице, которая нарисовала их с таким сочувствием и любовью.

¹ Доктор наук в США – высшая ученая степень, присваиваемая магистру (выпускнику аспирантуры или магистратуры) после защиты диссертации, и примерно соответствует званию кандидата наук. (Здесь и далее – прим. пер.)

В тот день, когда он забрел в галерею, Нэнси скромно сидела в уголке, одетая в короткую енотовую шубку, на голове ее был красный берет. Она только что вошла с улицы, и ее тонкая светлая кожа разругалась после быстрой ходьбы, голубые глаза сияли, а губы улыбались. И Майкла неожиданно потянуло к ней с такой силой, с какой еще никогда ни к кому не тянуло.

Он купил две ее картины и пригласил Нэнси на ужин в ресторан Локобера. Она ответила согласием, однако дальнейшие их отношения развивались совсем не так быстро. Нэнси Макаллистер отнюдь не спешила отдаться ему телом или душой – слишком долго она была совершенно одна, и близкие отношения с кем-либо немного пугали ее.

В свои девятнадцать лет Нэнси была не по возрасту мудра и уже успела коротко познакомиться с болью и горечью. Она хорошо знала, что такое быть одной и как себя чувствует человек, когда его бросают. Она отлично представляла, что значит быть никому не нужной и не иметь ни одного близкого человека на свете. Эти чувства не оставляли ее на протяжении всей жизни – с тех самых пор, как в раннем детстве Нэнси попала в сиротский приют, в котором и оставалась до достижения совершеннолетия.

И хотя девочка была слишком мала, когда мать отдала ее в приют, она на всю жизнь запомнила гулкий полумрак пустынных коридоров, пронизывающий холод серых каменных стен, незнакомые запахи, чужие лица, странные шорохи, смех других воспитанниц, который доносился до ее слуха по утрам и вечерам, когда Нэнси лежала в кровати, тщетно стараясь сдержать подступавшие к глазам слезы. Она не сомневалась, что все это сохранится в ее памяти до конца дней, и еще долго не верила, что в мире есть что-то, что способно заполнить образовавшуюся в ее душе холодную пустоту.

Но потом Нэнси встретила Майкла, и все изменилось.

Да, они полюбили друг друга с первого взгляда, но их отношения развивались гораздо медленнее, чем у многих из их сверстников. Зато они были прочными, ибо строились на взаимном уважении и любви. Нэнси и Майклу удалось то, что не удается многим любовникам, делающим ставку на физическую близость и пренебрегающим глубокой внутренней общностью интересов – и неизменно терпящим неудачу. Они сумели объединить его и ее мир и получили новую, удивительную и прекрасную вселенную, в которой каждому из них было хорошо и спокойно.

Майкл был далеко не глуп и вполне отдавал себе отчет, какими опасностями чревато увлечение женщиной «не своего круга» – как выражалась его мать. Но Нэнси была человеком именно его круга, хотя в это выражение Майкл вкладывал совершенно иной смысл. Они с Нэнси были, что называется, родственные души, и единственным, что отличало ее от него, было то, что она смотрела на мир глазами художника и была особенно восприимчива к любым нарушениям гармонии. Иными словами, если он все еще искал место в жизни и пытался определиться в своем отношении к миру, то Нэнси уже выбрала свою позицию, выбрала раз и навсегда, и в этом отношении она была гораздо более зрелой, чем Майкл. Нэнси уже стала тем, чем она хотела быть в жизни, а Майклу это только предстояло.

Но, как ни странно, Майкла это нисколько не смущало и не отталкивало. В отличие от других девушек, не знавших, что им, собственно, надо, и подолгу выбиравших будущего любовника среди нескольких кандидатур, Нэнси выбрала и полюбила его практически сразу. И за два года знакомства Майкл не дал ей ни малейшего повода для разочарования.

Нэнси и сама знала, что не ошиблась в выборе. За два прошедших года они успели хорошо узнать друг друга. В душе Майкла не было ни одного уголка, который был бы закрыт для Нэнси, и наоборот. Забавные и нелепые случаи, «страшные» детские тайны, казавшиеся теперь трогательными и смешными, наивные мечтания и надежды, горечь первых разочарований и необъяснимые, навязчивые страхи – все это она узнала из его собственных уст.

Благодаря откровенности Майкла Нэнси научилась уважать и любить его родителей. Даже мать...

Майкл родился в очень богатой семье, чтившей устои и приверженной традициям. Чуть ли не с пеленок его начали готовить к роли принца-наследника, которому рано или поздно придется взойти на трон и взять на себя управление делами империи. Сам Майкл относился к этому весьма и весьма серьезно и никогда не шутил по поводу того, что в будущем его ожидает огромное богатство и огромная ответственность. Напротив, эта перспектива скорее пугала его. Несколько раз он делился с Нэнси своими сомнениями относительно того, сумеет ли он быть достойным деловой репутации своих предков. Но Нэнси знала, что у него все получится и что иначе просто не может быть.

Империю, во главе которой Майклу предстояло встать, основал его дед, Ричард Коттер, который был весьма талантливым архитектором и еще более талантливым бизнесменом. Архитектором был и отец Майкла, который внес свой вклад в дело упрочения семейного благосостояния, женившись на Марион Хиллард. Финансовые средства Хиллардов, объединенные с предприятием Коттеров, и привели к созданию «Коттер-Хиллард корпорейшн» – могущественной компании, с которой мало кто мог потягаться. Несомненно, старик Коттер и его сын знали, как делать деньги, но именно капиталам Хиллардов – старым капиталам, за которыми стояли долгая история и крепкие корни, – они были обязаны своим приобщением к сливкам делового мира – к могуществу и власти, которые были возведены в ранг если не добродетели, то традиции. Именно поэтому, кстати, Майкл и носил фамилию матери, которая одна способна была открыть перед ним практически любую дверь.

Говоря по совести, это была нелегкая ноша, но Майкл не роптал и никогда – ни в шутку, ни всерьез – не заявлял, что она ему не по душе. Да и Нэнси относилась к его положению с должным пиететом. Она хорошо понимала, что в один прекрасный день Майклу придется встать во главе корпорации. В начале их знакомства они часто говорили об этом, а когда обоим стало ясно, насколько серьезны их отношения, они вернулись к этой теме еще раз. Серьезный разговор, состоявшийся между ними, лишь еще раз убедил Майкла в том, что ему посчастливилось найти женщину, которая в состоянии не только справиться со своими семейными обязанностями, но и с ответственной ролью супруги главы могущественной фирмы. Приютское воспитание было здесь, разумеется, ни при чем – основы для этого были заложены в характере Нэнси самой природой.

И вот теперь, глядя на прямую спину Нэнси, катившей далеко впереди него, Майкл снова испытал прилив радости и гордости. В эти минуты она казалась ему особенно сильной и уверенной в себе. Изыщные, но сильные ноги, налегавшие на педали, аккуратная попка на кожаном седле велосипеда, узкие плечи, округлый подбородок, который он видел каждый раз, когда она со смехом оборачивалась к нему, – все это вызывало в его душе мучительную нежность, и Майклу захотелось догнать Нэнси, снять с велосипеда и увлечь на мягкую траву лужайки, чтобы снова быть вместе, чтобы...

Он отогнал от себя эти мысли и, нажав на педали, помчался вслед за ней.

– Эй, куда ты?! Подожди меня!..

Поравнявшись с Нэнси, Майкл слегка притормозил, и они поехали по тенистой аллее парка бок о бок, никуда не торопясь. Дорожка была широкой и безлюдной, и несколько мгновений спустя Майкл положил руку на плечо Нэнси, по которому бежали пятна просеянного сквозь листву солнечного света.

– Ты такая красивая, Нэн. – Его голос был таким же ласковым и нежным, как теплый весенний воздух, как свежая молодая листва на деревьях, как брачные трели птиц. – И я очень, очень тебя люблю.

– А вам известно, мистер Хиллард, что я люблю вас в два раза больше?

– Ты, похоже, знаешь, что говоришь, Нэн...

Да, она знала. Рядом с Майклом Нэнси чувствовала себя совершенно счастливой, и это было настоящее чудо. Пронзительное счастье, озарившее Нэнси в тот самый миг, когда он вошел в зал галереи на Чарльз-стрит, до сих пор нисколько не притупилось. Напротив, с каждым днем, с каждой новой встречей она со все большей остротой ощущала его глубину и полноту. Нэнси вспомнила, как в их первую встречу Майкл пригрозил раздеться догола, если она не продаст ему все свои картины, и улыбка тронула ее губы.

– ...Но я люблю тебя в семь раз больше, чем ты меня!..

– Вот уж дудки! – Нэнси фыркнула и, презрительно задрав нос, обогнала его на полкорпуса. – Я все равно люблю тебя больше, что бы ты ни говорил.

– Откуда ты знаешь?

– От Санта-Клауса.

Она нажала на педали и укатила вперед. Дорожка в этом месте сужалась, и Майкл не стал ее догонять. Настроение у него было приподнятым, к тому же сзади Нэнси смотрелась так же привлекательно, как и спереди, и он не уставал любоваться ее обтянутыми джинсами бедрами, тонкой талией, изящными плечами под свободным красным свитером и летящими по ветру черными волосами. Он мог бы любоваться ею часами, днями, годами...

Тут Майкл вспомнил, что как раз сегодня он собирался серьезно поговорить с Нэнси об их планах на будущее. Нагнав ее, он привстал на педалях и коснулся ее плеча:

– Прошу прощения, мисс Хиллард, я хотел бы...

Услышав эти слова, Нэнси слегка вздрогнула. Ее велосипед вильнул в сторону, но сразу же выровнялся, и Нэнси, обернувшись через плечо, смущенно улыбнулась. Луч солнца скользнул по ее лицу, и Майкл увидел сахарной белизны зубы, густые ресницы и золотистые веснушки на носу, напомнившие ему пыльцу удивительных цветов, которую эльфы рассыпали по ее безупречной светлой коже.

– Да-да, я к вам обращаюсь, миссис Хиллард... – Последние слова он произнес с явным удовольствием, сам наслаждаясь их звучанием. Вот уже почти два года он дожидался возможности официально назвать ее так.

– Не слишком ли ты торопишься, Майкл? – В голосе Нэнси прозвучала неуверенность, граничившая с испугом. Что бы они ни решили между собой – ничто не имело особенного значения, куда Майкл не переговорит с матерью.

– Ничего я не тороплюсь! – откликнулся он с обидой. – Я хотел бы, чтобы мы поженились через две недели, сразу после моей защиты.

Они уже несколько раз обсуждали этот вопрос и договорились, что их свадьба должна быть очень тихой и скромной. Родных у Нэнси все равно не было, а Майклу не хотелось делиться своей радостью ни с кем, кроме нее и двух-трех ближайших друзей.

– Я сегодня же слетаю в Нью-Йорк и поговорю с матерью, – добавил он. – Сегодня во второй половине дня. Думаю, я успею обернуться туда и обратно за несколько часов.

– Сегодня? – Нэнси произнесла это слово с почти нескрываемым испугом. Она даже перестала вращать педали, и ее велосипед, прокатившись по инерции еще немного, остановился.

Майкл тоже затормозил и, кивнув в ответ, попытался поймать взгляд Нэнси, но она с неожиданно проснувшимся интересом рассматривала заросшие травой и залитые солнечным светом пологие холмы, возвышавшиеся за редкими деревьями на окраине парка.

– Как ты думаешь, Майкл, что скажет... твоя мама?..

– Разумеется, она скажет «да»! Неужели, глупенькая, ты в этом сомневаешься?

Голос его был деланно-бодрым, поскольку оба прекрасно знали, что проблема эта на самом деле весьма серьезна. И основания для беспокойства у них действительно были. Марион Хиллард отнюдь нельзя было назвать добродушной или сентиментальной женщиной. Она была матерью Майкла, но нежности и доброты – во всяком случае, внешне – в ней

было не больше, чем в ледяной горе, погубившей «Титаник». Марион была властной, решительной женщиной, которая, казалось, была целиком сделана из стали и самого крепкого камня. Когда умер отец Марион, ей пришлось взять на себя все заботы о семейном бизнесе, и она с честью справилась с этой задачей, приумножив капиталы семьи. Когда же скончался ее муж, отец Майкла, она снова встала у руля огромной корпорации и не выпускала его ни на секунду, железной рукой направляя свой корабль туда, куда считала нужным.

Решительно ничто не могло остановить ее или заставить свернуть с намеченного пути. Когда речь шла о благе семьи, в расчет не принимался даже родной сын, не говоря уже о жалкой сиротке, которая была для Марион Хиллард даже не нулем, а отрицательной величиной. Нэнси, во всяком случае, не могла представить себе, что могло заставить Марион сказать заветное «да», о котором с такой уверенностью говорил Майкл, если она вдруг не захочет, чтобы они поженились.

А в том, что Марион не хочет этого брака, сомневаться не приходилось, ибо Нэнси точно знала, что думает о ней Марион Хиллард.

Мать Майкла никогда не скрывала своих чувств – вернее, она намеренно перестала скрывать их, как только ей стало ясно, что «увлечение» ее сына «этой художницей» – вещь серьезная. Она звонила Майклу из Нью-Йорка почти каждую неделю и упрашивала, умоляла, пугала. Потом она бушевала, метала громы и молнии, грозила, подкупала и, наконец, смирилась. Или сделала вид, что смирилась.

Майкл считал это обнадеживающим признаком, но Нэнси не разделяла его уверенности. Марион была из тех женщин, которые всегда отдают себе отчет в том, что они делают и зачем. В данный момент мать Майкла просто предпочла игнорировать «ситуацию». Она не приглашала их к себе, не выдвигала новых обвинений, но и не спешила взять обратно слова, которые бросала в лицо сыну во время их продолжительных телефонных баталий. Для нее подружка сына попросту перестала существовать, и Нэнси неожиданно поняла, что равнодушные порой может ранить гораздо больше, чем самая откровенная ненависть.

Возможно, сыграло свою роль и то, что Нэнси, не помнившая своих родителей, позволила себе увлечься мечтами о том, что когда-нибудь у нее будет своя семья и что Марион станет для нее чем-то вроде матери. Она представляла себе, как они с Марион подружатся, как будут вместе ходить по магазинам и делать покупки для Майкла, и что когда-нибудь у нее родятся дети, для которых эта сильная, волевая женщина станет доброй и любящей бабушкой. Но, как видно, этим мечтам не суждено было сбыться, и два прошедших года окончательно убедили ее в этом. Марион всегда было нелегко представить в роли свекрови, бабушки, матери, а теперь она и вовсе казалась Нэнси чужой и даже враждебной.

Майкл, однако, продолжал придерживаться на этот счет собственного мнения. Во всяком случае, он не раз принимался убеждать Нэнси в том, что Марион достаточно разумна, чтобы не противиться неизбежному. «Рано или поздно, – говорил Майкл, – мать изменит свое мнение, и тогда они трое заживут дружно и счастливо».

Но Нэнси продолжала сомневаться. Однажды она даже заговорила с Майклом о том, что будет, если Марион никогда не согласится на их брак, если она не признает ее. Что будет с ними тогда?

«Тогда, – ответил Майкл, – мы с тобой поймем такси и помчимся в ближайшую мэрию. Ведь мы с тобой оба совершеннолетние, ты не забыла?» Но Нэнси только улыбнулась его порыву – она знала, что вряд ли все будет так просто, как он говорит. Да и какая, в конце концов, необходимость в официальном брачном свидетельстве? После двух лет, проведенных вместе, они и так были все равно что муж и жена.

Некоторое время они стояли молча, любясь весенним буйством зелени, потом Майкл взял Нэнси за руку.

– Я люблю тебя, Нэн.

– Я тоже тебя люблю.

Она с беспокойством посмотрела на него. У нее были такие выразительные глаза, что Майкл поспешил поцеловать ее, чтобы погасить тлевшую в них тревогу, однако вопросы, который каждый из них продолжал себе задавать, никуда не делись. И ничто, кроме откровенного разговора с Марион, не могло умерить терзавшей обоих томительной неопределенности.

Со вздохом уронив велосипед на траву лужайки, Нэнси прижалась к Майклу, и он крепко обнял ее.

– Как бы мне хотелось, чтобы все это не было так сложно, – пробормотала она чуть слышно.

– Все будет нормально, вот увидишь, – отозвался Майкл с уверенностью, которой он, увы, не испытывал. – А теперь поехали дальше. Или мы собираемся стоять здесь весь день?

Она только улыбнулась в ответ, и Майкл, наклонившись, поднял ее велосипед. В следующую секунду они уже катили прочь, смеясь и беспечно распевая на ходу, как будто никакой Марион вовсе не существовало на свете. К сожалению, все это было лишь более или менее удачным притворством. Марион существовала, и никакими ухищрениями этот факт обойти было нельзя. Она была, и всегда будет рядом с ними, во всяком случае – с Майклом. Для него Марион была не только матерью, но и живым воспоминанием о том мире, вне которого Майкл, наверное, просто не смог бы существовать.

Солнце поднялось выше, когда они наконец выехали с территории университетского парка и покатались по самой настоящей сельской местности, где холмы чередовались с лужайками и веселыми перелесками. Асфальтированная дорога была достаточно широкой, машины попадались редко, поэтому они то ехали рядом, то обгоняли друг друга, то весело переключаясь, то погружаясь в задумчивое молчание.

Время близилось к полудню, когда они наконец доехали до Ревери-Бич и увидели первое за все утро знакомое лицо. Это был Бен Эйвери со своей очередной пассией – как всегда, это была блондинка с противоестественно длинными ногами, – которые катили на велосипедах навстречу Майклу и Нэнси.

– Привет, ребята! Вы на ярмарку? – окликнул их Бен и, улыбнувшись широкой улыбкой, взмахом руки представил Дженнетт.

Все четверо обменялись обычными в таких случаях улыбками и приветствиями, и Нэнси, заслонив глаза рукой от яркого солнца, стала смотреть вперед, где на городской площади располагалась ярмарка. До нее оставалось еще несколько кварталов.

– А что, дело того сто́ит? – спросила она.

– Думаю, да. Мы выиграли приз – вон ту розовую собаку, – ответил Бен, указывая рукой на уродливое розовое существо на багажнике велосипеда Дженнетт. – Еще заводную черепаху, которую где-то посеяли, и две жестянки пива. Кроме того, там продают жареную кукурузу, но не россыпью, а целиком, вместе с початком. Вы даже не представляете себе, как это вкусно!..

– Меня ты убедил. – Майкл кивнул приятелю и посмотрел на Нэнси. – А ты что скажешь?

– Мне тоже хотелось бы... – Нэнси сделала секундную паузу. – А вы разве уже возвращаетесь?

Вопрос был излишним. Бен слыл известным лакомкой, и в глазах его уже поблескивали знакомые плотоядные огоньки, да и Дженнетт, похоже, заметно оживилась. Наблюдать за ними было весьма любопытно, и Нэнси улыбнулась про себя.

– Да, – небрежно ответил Бен и махнул рукой. – Мы-то здесь чуть ли не с шести утра, и я чертовски устал. Кстати, какие у вас планы на сегодняшний вечер? Может, поужинаем вместе? Возьмем по пицце, пивка, посидим, потанцуем?..

Комната Бена в общежитии располагалась всего через несколько дверей от комнаты Майкла.

– Какие у нас планы на вечер, синьор? – спросила Нэнси, видя, что Майкл не отвечает, но он только покачал головой.

– Сегодня вечером у меня есть одно дело, так что давайте лучше в другой раз, – ответил он, и Нэнси почувствовала, как ее словно что-то кольнуло – ответ Майкла напомнил ей о предстоящем разговоре с Марион.

– Ну ладно, увидимся... – Помахав им на прощание, Бен и Дженнетт покатались дальше, а Нэнси повернулась к Майклу.

– Ты действительно хочешь встретиться с ней сегодня? – спросила она.

– Да. И, пожалуйста, не беспокойся – все будет хорошо. Кстати, мама говорит, что у нее есть отличное место...

– Для Бена? – догадалась Нэнси.

– Да. – Майкл оттолкнулся ногой и, не торопясь, поехал дальше, Нэнси – за ним. – Мы начнем работу одновременно. Бен будет отвечать за другой участок, но выйти на работу мы должны в один и тот же день.

Майкл выглядел очень довольным. Они с Беном познакомились еще в старших классах школы, и с годами их дружба еще больше окрепла.

– А Бен знает?

Майкл отрицательно покачал головой, и на губах его появилась заговорщическая улыбка.

– Нет, это сюрприз. К тому же мне хотелось бы, чтобы он узнал об этом, что называется, из официальных источников. Не стоит портить ему удовольствие.

Нэнси тоже улыбнулась в ответ:

– Ты прелесть, Майкл, и я люблю тебя.

– Премного благодарен, миссис Хиллард.

– Ну, Майкл, перестань же!.. Пожалуйста! – воскликнула Нэнси, которой не хотелось, чтобы Майкл слишком часто шутил на эту тему. К тому же, чтобы стать миссис Хиллард, Нэнси относилась очень серьезно.

– И не подумай, – отозвался он. – Так что постарайся к этому привыкнуть.

Взгляд его неожиданно стал серьезным, и Нэнси кивнула.

– Хорошо, я постараюсь привыкнуть, но только потом. Пока же сойдет и мисс Макал-листер, договорились?

– Ладно, но только на ближайшие две недели, не больше. Наслаждайся пока своей девичьей фамилией. А сейчас – догоняй!..

Он нажал на педали и, низко пригнувшись к рулю, унесся вперед. Нэнси старалась не отставать, но ее все время душил смех, и она подъехала к площади, на которой раскинулась ярмарка, на добрых тридцать секунд позже него.

– Ну как? – спросил он, помогая ей слезть с седла.

– Все отлично, Майкл!

Нэнси и в самом деле верила, что все отлично. Они были здоровы, молоды и беспечны. Что еще нужно человеку, чтобы чувствовать себя счастливым?

– Итак, с чего начнем? – спросила Нэнси, хотя уже догадывалась о намерениях Майкла. И, как выяснилось, она не ошиблась.

– Ты еще спрашиваешь! С кукурузы, конечно.

Оставив велосипеды у ближайшего дерева и не опасаясь, что кто-нибудь позарится на них в этом сонном провинциальном местечке, они взялись за руки и пошли на ярмарку. Через десять минут оба уже стояли у киоска и, держа руку на отлете, чтобы не закапать маслом одежду, с аппетитом уплетали жареную кукурузу в початках. Потом они купили по хот-догу,

выпили по бутылке охлажденного во льду пива, и Нэнси решила завершить трапезу большой порцией сахарной ваты.

– Как ты только можешь есть эту штуку? – засмеялся Майкл, глядя на нее.

– Очень просто, она вкусная. – Ответ Нэнси прозвучал невнятно из-за того, что рот у нее был полон сладкой розовой массы, но лицо выражало крайнюю степень блаженства.

«Точь-в-точь пятилетняя девчушка на детском празднике», – подумал Майкл.

– Кажется, я уже говорил тебе: ты – прекрасна.

Нэнси улыбнулась в ответ; ее лицо было вымазано растаявшей ватой, и Майкл, достав платок, бережно вытер ей губы и подбородок.

– Если ты сумеешь остаться чистой хотя бы пять минут, – заметил он, – мы могли бы сфотографироваться.

– Да? А где? – Она снова зарылась носом в розовое облако ваты, которое держала на палочке перед собой.

– Ну что с тобой делать?! – Майкл в комическом отчаянии воздел руки. – Нам туда! Видишь?

Он указал на небольшой павильон, вокруг которого были расставлены фанерные щиты с изображением различных легендарных персонажей. В фанере были проделаны овальные отверстия. Просунув в них головы, клиенты могли позировать в костюме свирепого индейского вождя и его очаровательной скво, бесстрашного ковбоя, похищающего из вражеского стана белокурую красавицу, и даже в костюме Бэтмена, спасающего от людей-пингвинов свою очередную подружку. Это заинтересовало Нэнси и, подойдя поближе, она сразу увидела то, что ей хотелось. На большом щите, стоявшем несколько особняком, были изображены Ретт Батлер и Скарлетт О'Хара.

И, как ни странно, когда головы Нэнси и Майкла оказались на том месте, где должны были быть лица популярных героев, они не выглядели ни глупо, ни смешно. Нэнси казалась просто обворожительной в тщательно прорисованном платье, которое носила гордая южанка. Изящество и красота ее черт прекрасно сочетались с белоснежным кринолином, ничуть не уступая прославленной красоте Вивьен Ли. Майкл тоже чем-то напоминал Кларка Гейбла, хотя сходство было весьма отдаленным благодаря отсутствию усов и светлому цвету волос.

Вручая им готовые снимки и получая от Майкла заработанный доллар, фотограф не удержался и вздохнул.

– Мне следовало бы оставить этот снимок для рекламы. Вы прекрасно смотрите вместе, – сказал он.

– Спасибо, – вежливо ответила Нэнси, до глубины души тронутая его комплиментом, а Майкл улыбнулся. Он всегда гордился своей Нэнси. «Ничего, – подумал он, – еще две недели, и все...»

В этот момент Нэнси сильно потянула его за рукав, и Майкл отвлекся от своих грез наяву.

– Что случилось, Нэн, дорогая? Куда ты меня тащишь?

– Смотри! Смотри туда! «Летающие кольца»! Пойдем скорее, я хочу сыграть. Можно?..

Она умоляюще посмотрела на него. В детстве ей всегда очень хотелось сыграть в эту игру, но сестры-воспитательницы из приюта Святой Клары непременно отвечали, что это слишком дорого.

– Конечно, дорогая.

Майкл отвесил глубокий поклон и предложил Нэнси следовать за собой. Он собирался продолжить свою игру в степенную супружескую пару, однако из этого ничего не вышло. Нэнси была слишком взволнована, чтобы идти спокойно; она тянула его за собой и чуть ли не подпрыгивала от возбуждения, и ее радость невольно передалась Майклу.

– Ну можно мне сыграть сейчас, а?..

– Конечно, родная, можешь даже не спрашивать.

Он положил на прилавок доллар, и служитель вручил ему четыре комплекта колец, которые следовало набрасывать на ярко раскрашенные столбики, стоявшие на разном расстоянии от проведенной по земле черты.

Задача была совсем простой, и большинство клиентов обходились одним или, в крайнем случае, двумя комплектами колец, но у Нэнси не было никакой практики. Брошенные ею кольца летели в стороны и никак не желали надеваться на столбик.

Майкл с удовольствием наблюдал за ней.

– Какой именно приз ты собираешься выиграть? – спросил он наконец.

– Вон те голубые бусы, – ответила Нэнси, вытирая со лба выступившую испарину и сосредоточенно щурясь. – У меня еще никогда не было такого роскошного ожерелья...

В детстве ей всегда хотелось иметь именно такие бусы. Крупные, яркие, блестящие, они не могли оставить равнодушной ни одну девчонку, пусть даже ей уже исполнилось двадцать.

– Как легко тебе угодить, любимая! А ты уверена, что не хочешь розовую собачку, как у Дженнетт?

Нэнси отрицательно покачала головой. Она хотела только эти бусы.

– Твое желание для меня закон.

Майкл отобрал у нее последние три кольца и тремя точными бросками набросил их на самый дальний столбик.

– Опля!

Служитель за прилавком улыбнулся, вручая ему выигрыш, и Майкл торжественно застегнул на шею Нэнси маленький замочек.

– Voila, mademoiselle! Теперь они ваши. Может быть, хотите застраховать их на кругленькую сумму?

– Перестань издеваться над моими замечательными бусами! – с напускным гневом перебила Нэнси. – По-моему, они просто великолепны.

И она осторожно коснулась их кончиками пальцев. Голубые бусы ярко сверкали на солнце, и Нэнси было приятно сознавать, что ее давняя мечта наконец исполнилась.

– Я думаю, что это ты прекрасна, Нэн. Ну а теперь твоя душенька довольна или ты желаешь что-нибудь еще? Тебе стоит только приказать...

Нэнси засмеялась:

– Я хочу еще сахарной ваты.

Покачав головой, Майкл купил ей новую порцию сахарной ваты, и они медленно побрели к выходу с ярмарки.

– Устала? – заботливо спросил он.

– Нет, не особенно.

– Может, прокатимся еще немножко? Я знаю одно чудное местечко. Там мы можем посидеть, отдохнуть и полюбоваться прибором.

– Что ж, поехали.

И они снова тронулись в путь, однако больше не смеялись и не спешили, да и разговаривали мало. Каждый был погружен в свои собственные мысли, думая в основном друг о друге и о том, чего им следует ждать от предстоящего разговора с Марион.

Они уже подъезжали к Нахану, когда Нэнси увидела место, о котором говорил Майкл. Это была очень живописная бухточка, на берегах которой росли раскидистые тенистые деревья; мягкая трава под ними, казалось, звала присесть и отдохнуть, и Нэнси, которая уже начинала жалеть, что послушалась Майкла, сразу обо всем забыла.

– О, Майкл! – воскликнула она. – Как здесь красиво!

– Я рад, что тебе нравится.

Они уселись на заросший травой бугорок и подставили лица ласковым солнечным лучам. В нескольких шагах от них начиналась узкая полоска песчаного пляжа, а еще дальше было море, и ленивые, гладкие волны, разбиваясь о скрывающийся под водой риф, с тихим шорохом набегали на берег.

– Мне давно хотелось показать тебе это место, – добавил Майкл, и Нэнси кивнула.

– Здесь здорово.

Некоторое время они сидели молча и просто держали друг друга за руки. Потом Нэнси неожиданно встала.

– Что, Нэн?..

– Я хочу кое-что сделать.

– Вон там есть подходящие кустики.

Нэнси засмеялась:

– Не это, глупенький. Что-то совсем другое.

Она уже бежала по песку, и Майкл, не торопясь, пошел за нею, гадая на ходу, что еще придумала эта неугомонная девчонка.

Между тем Нэнси остановилась у гладкого черного камня и, упершись ногами в песок, попыталась сдвинуть его с места, но он был слишком тяжел для нее.

– Давай помогу. – Майкл встал рядом и напряг мускулы. – Кстати, хотел бы я знать, что ты затеваешь.

– Я просто хочу чуточку подвинуть его. Вот, хорошо!..

Последнее восклицание вырвалось у нее, когда камень, поддавшись их совместным усилиям, дрогнул и откатился в сторону, оставив после себя неглубокую влажную выемку. Расковыряв каблуком спрессованный плотный песок, Нэнси сняла свои яркие голубые бусы и, зажмурившись, некоторое время держала их перед собой. Потом она разжала пальцы и, когда бусы упали в выкопанную ею ямку, забросала их песком.

– О'кей, теперь двигай камень на место.

– Прямо на бусы?

Нэнси кивнула, не отрывая взгляда от того места, где сквозь песок проглядывала одна голубая бусина.

– Эти бусы свяжут нас навсегда. Пусть они станут вещественным залогом нашей любви, и пусть они останутся здесь, пока стоит этот камень и растут эти деревья. Хорошо?

Она вопросительно посмотрела на него, и Майкл серьезно кивнул.

– Хорошо. – Он улыбнулся. – Это очень романтичная выдумка, Нэн.

– Почему бы нам не быть романтиками, Майкл? Если уж нам довелось узнать настоящую любовь, мы должны радоваться ей, *праздновать ее*, если хочешь... Мы должны дать ей прибежище, дом, в котором она могла бы находиться всегда, что бы ни случилось с нами.

– Ты совершенно права, Нэн. Я тоже думал об этом, но не мог выразить так хорошо, как ты.

– А теперь давай дадим друг другу обещание... – Нэнси закрыла глаза и торжественно произнесла: – Я клянусь, что никогда не забуду ни о том, что отныне лежит под этим камнем, ни о том, что это означает.

Потом она открыла глаза и, тронув его за руку, кивнула:

– Теперь ты.

Майкл снова улыбнулся Нэнси. Любовь и нежность к ней переполняли его.

– Я тоже обещаю... что никогда не скажу тебе «прощай».

И, без всякой видимой причины, оба вдруг рассмеялись. Им было легко и радостно ощущать себя молодыми, беззаботными, романтичными и влюбленными. Сегодняшний

день подарил им столько радости и счастья, и оба свято верили, что таких дней впереди будет еще много. Вся жизнь.

– Ну что, поехали? – спросил наконец Майкл, и Нэнси кивнула. Тогда он передвинул на место камень и, взяв ее за руку, повел туда, где они оставили велосипеды.

* * *

Два часа спустя они уже были в крошечной квартирке Нэнси на Спарк-стрит, неподалеку от университетского городка. Войдя в комнату, Майкл сразу же направился к тахте, в который уже раз подумав о том, как ему нравится это уютное гнездышко и как свободно и легко он чувствует себя здесь. Почти как дома...

Нет, лучше, чем дома. В гигантской квартире матери Майкл часто ощущал себя потерянным и никому не нужным. Здесь же на каждой вещи лежал теплый отпечаток личности Нэнси: портьеры, мебель, картины на стенах, потертый меховой коврик на полу – все, казалось, впитало в себя частичку ее души. В квартире Нэнси было много цветов в вазах и просто комнатных растений в горшках, за которыми она ухаживала заботливо и внимательно, и взгляд Майкла невольно отдыхал на увитых цветущей традесканцией книжных полках, на белоснежном маленьком столике, за которым они ели, и на блестящих никелированных шишечках старинной кровати, которая одобрительно крякала под ними каждый раз, когда они занимались любовью.

– Мне очень нравится твой дом, Нэнси! – сказал Майкл, когда она вошла в комнату.

– Да, ты это уже говорил. – Нэнси огляделась по сторонам, и на лицо ее легла легкая тень печали. – Мне он тоже нравится. Хотелось бы знать, что мы будем с ним делать, когда поженимся?

– Мы заберем все вещи в Нью-Йорк и найдем там для них уютный маленький домик. – Майкл слегка приподнялся на локте, и взгляд его упал на незавершенную работу Нэнси. – А это что? Что-то новенькое? Я этого еще не видел...

Он смотрел на мольберт, на котором стояла новая картина Нэнси. Она была еще не закончена, но в ней уже проглядывали таинственная недосказанность и волшебство, отличавшие работы Нэнси. На холсте был изображен сельский пейзаж – безлюдные поля и перелески, но когда Майкл подошел ближе, то на дереве на переднем плане он разглядел мальчика, который сидел на ветке и болтал ногами.

– А его будет видно, когда ты нарисуешь листья? – спросил Майкл.

– Не знаю, наверное. Но даже если нет, все равно мы с тобой будем знать, что он здесь. Тебе нравится?..

Майкл одобрительно кивнул, и глаза Нэнси заблестели. Он всегда понимал ее работы как надо, а она очень дорожила его мнением.

– Мне очень нравится, – сказал он.

– Тогда эта картина будет моим свадебным подарком тебе. Только я должна сначала закончить ее...

– Ну, тут еще много работы. Кстати, о свадьбе... – Майкл бросил взгляд на часы. Половина второго, а ему надо было быть в аэропорту в начале третьего. – Похоже, мне надо поторопиться.

– Ты... ты обязательно должен ехать, Майкл?

– Да. Нэн, ну не надо так расстраиваться – я вернусь через несколько часов. Я буду у Марион в четыре, в зависимости от того, будет ли в Нью-Йорке пробка на шоссе, или нет. Думаю, я успею на обратный «челнок», так что к вечеру уже вернусь. Что скажешь?

– По-моему, все о'кей, – ответила Нэнси, но вид у нее был встревоженный.

Отъезд Майкла продолжал беспокоить ее, и чем дальше – тем больше. И дело было вовсе не в том, что могла сказать ему Марион – просто Нэнси не хотелось, чтобы он уезжал, а почему – она и сама не знала.

– Надеюсь, все пройдет хорошо... – робко прибавила она.

– Конечно, родная, конечно.

Майкл старался говорить беспечно, но они оба знали, что Марион Хиллард всегда поступает так, как считает нужным, слушает только то, что хочет слышать, и соглашается только с тем, что ее устраивает. Впрочем, он продолжал надеяться, что так или иначе им удастся настоять на своем. Иного выхода просто не было. Майкл не представлял себе жизни без Нэнси и готов был сражаться за нее до конца.

Он крепко обнял ее на прощание, потом повязал галстук и снял со спинки стула легкий пиджак, который оставил здесь утром. Майкл знал, что, когда он прилетит в Нью-Йорк, там будет тепло, даже жарко, однако, несмотря на это, он должен был появиться перед матерью в пиджаке и галстук. Это было важно: Марион признавала только деловой стиль и терпеть не могла вольности в одежде. Людей, не соответствующих ее стандартам, она называла «никто». Увы, к этим последним Марион относилась и Нэнси.

Оба – и Майкл, и Нэнси – прекрасно знали, какой нелегкий разговор предстоит ему, поэтому поцеловались на прощание особенно крепко.

– Счастливого тебе, Майкл.

– Я люблю тебя, Нэнси.

Когда он ушел, Нэнси долго сидела в пустой гостиной, глядя на фотографию с ярмарки. Ретт и Скарлетт – бессмертные любовники в нелепых фанерных платьях... Но их лица на фотографии выглядели бесконечно счастливыми, и Нэнси спросила себя, сможет ли Марион понять их, знает ли она разницу между глупостью и счастьем, умеет ли она отличить воображаемое от действительного. Вряд ли, подумалось ей почему-то.

Глава 2

Стол в обеденном зале блистал словно поверхность озера в штиль. Его безупречную гармонию нарушала только расстеленная на одном его конце бежевая салфетка из ирландского льна, на которой стоял кофейный прибор из тончайшего китайского фарфора – голубая с золотом чашка, блюдце, тарелка с пирожными и изящная молочница с изогнутым «губой» носиком. Рядом лежал серебряный колокольчик и стоял начищенный до зеркального блеска кофейник.

Откинувшись на спинку стула, Марион Хиллард выдохнула вверх дым только что закуренной сигареты. Она чувствовала себя до крайности усталой. Воскресенья всегда утомляли ее гораздо больше, чем все остальные дни. Иногда Марион казалось, что дома она работает гораздо больше, чем в конторе, и это было очень похоже на правду.

Воскресенья она, как правило, начинала с разбора своей личной корреспонденции. Потом Марион просматривала хозяйственные книги, которые вели повар и экономка, составляла списки мелких работ по дому, планировала необходимые приобретения для пополнения гардероба и утверждала меню на неделю. Это была скучная и утомительная работа, но Марион занималась ею уже на протяжении многих лет. Домашнее хозяйство входило в ее обязанности еще до того, как она занялась бизнесом. Когда умер муж Марион, ей самой пришлось возглавить корпорацию, однако она продолжала посвящать домашним делам все воскресенья, проверяя и организуя работу слуг и воспитывая Майкла, когда няня брала выходной.

Воспоминание об этом заставило Марион улыбнуться. Прикрыв глаза, она подумала, как мало было у нее этих драгоценных часов, когда она могла побыть с сыном. Увы, уже давно воскресенья Марион не напоминали собой те, давно прошедшие дни. Едва достигнув подросткового возраста, Майкл так и норовил исчезнуть из дома на весь уик-энд, и она оставалась одна...

Одинокая слеза задрожала на ее длинных ресницах, но Марион даже не пошевелилась, словно боясь спугнуть воспоминания. Она ясно видела перед собой Майкла, каким он был восемнадцать лет назад. Тогда этот очаровательный шестилетний мальчик целиком принадлежал ей, и Марион любила его всей душой. Она готова была сделать для него все, что только было в ее силах, – и делала. Марион сумела сохранить для него империю Коттеров и Хиллардов, сумела передать дело от поколения к поколению. Могущественная, жизнеспособная корпорация и была ее главным даром единственному сыну.

Стремясь приумножить те богатства, которые должны были достаться Майклу, Марион незаметно для себя сама полюбила бизнес. Он стал ей почти так же дорог, как и Майкл.

– Привет, мам. Ты прекрасно выглядишь.

Вздвигнув от неожиданности, Марион открыла глаза и увидела сына. Майкл стоял на пороге гостиной и улыбался, а Марион едва не заплакала по-настоящему. Больше всего на свете ей хотелось броситься к нему навстречу, обнять и прижать к себе, как когда-то, но увы – она не могла этого себе позволить. Вместо этого она только слегка улыбнулась в ответ на приветствие сына.

– Я не слышала, как ты вошел.

В этих словах не было приглашения подойти поближе, как не было никакого намека на то, что Марион на самом деле чувствовала. Разобраться, что творится у нее, в душе всегда было трудно, порой просто невозможно.

– Я открыл дверь своим ключом, – объяснил Майкл. – Так можно мне войти?

– Конечно. Может, ты хочешь перекусить?

Майкл медленно вошел в комнату и огляделся по сторонам с таким видом, словно он впервые видит роскошную обстановку и обшитые темными дубовыми панелями стены. На губах его играла неуверенная улыбка. Потом он вдруг посмотрел на стоявшую перед матерью тарелку и облизнулся, словно мальчишка.

– Гм-м... что это у тебя такое? Шоколадные, да?

Марион усмехнулась и покачала головой. Похоже, в некоторых отношениях Майкл все еще оставался ребенком.

– Это профитроли. Хочешь?.. Я думаю, Мэтти еще здесь. Она убирается в кладовке, и...

– ...И доедает, что еще осталось, – закончил Майкл, и они оба рассмеялись шутке, в которой, как было прекрасно известно обоим, было достаточно много правды. Потом Марион взяла со стола колокольчик и позвонила.

Мэтти появилась в гостиной через считанные мгновения. На ней было строгое черное платье, отороченное кружевами, и белая кружевная наколка в волосах. Всю жизнь Мэтти только тем и занималась, что подавала, готовила и убирала за другими, и лишь изредка ей выдавалось свободное воскресенье, чтобы заняться своими делами. Впрочем, получив долгожданный выходной, она зачастую просто не знала, что с ним делать.

– Что прикажете, мэм? – спросила она, и, искоса посмотрев на Майкла, не сдержала приветливой улыбки. Майкл всегда был ее любимцем.

– Принеси чашку кофе мистеру Хилларду, Мэтти. Как насчет десерта, дорогой? – обратилась Марион к сыну и, когда он отрицательно покачал головой, закончила решительно: – Значит, один кофе, Мэтти.

– Хорошо, мэм.

На мгновение – и уже не в первый раз – Майкл задумался, почему мать никогда не говорит слугам ни «спасибо», ни «пожалуйста». Она держалась с ними так, словно все они были рождены для того, чтобы исполнять любые ее желания. Впрочем, он знал, что Марион именно так и думает. Всю жизнь она прожила в окружении слуг: гувернанток, секретарей, помощников, референтов и прочих.

Мать Марион погибла в автомобильной катастрофе, когда ей было всего три года. Вместе с ней погиб и старший брат Марион, который должен был унаследовать финансовую империю Хиллардов, но она оказалась ему достойной заменой.

– Как дела в университете?

– Отлично. И, слава богу, через две недели уже конец.

– Я знаю. И очень горжусь тобой, Майкл. Докторская степень – это не шутка, особенно – в архитектурном бизнесе. – «О, мама!..» – как в детстве захотелось воскликнуть Майклу, но он сдержался. – Кстати, насчет работы для этого твоего Эйвери... Мы свяжемся с ним на следующей неделе и все ему сообщим. Надеюсь, ты не проговорился ему?

По ее взгляду и голосу Майкл понял, что на самом деле Марион Хиллард совершенно безразлично, сказал он другу о том, что его ожидает, или нет. Устроить Бену сюрприз – это была целиком его идея; Марион же смотрела на эту затею как на мальчишество.

– Нет, я не проговорился. Он будет очень доволен.

– Еще бы! Это отличное место.

– Бен его заслуживает.

– Надеюсь, что так... – Если бы Марион считала иначе, ничто бы не могло ее убедить, и Майкл отлично это знал. – Ну а ты? Готов взяться за дело? Твой кабинет закончат на следующей неделе.

При этих ее словах глаза Майкла невольно сверкнули. Его кабинет должен был быть таким же, как отцовский – с богатой деревянной отделкой, с гравюрами на стенах, с роскошными кожаными креслами и диванами, с антикварным столом и книжными шкафами, которые Марион приобрела в Лондоне в прошлые выходные.

– Уверена, что тебе он понравится, – добавила Марион, и Майкл улыбнулся ей.

– Так оно и будет, мама. Я планировал повесить кое-что на стены, но, пожалуй, я подожду, пока не увижу весь кабинет в целом.

Ему показалось, что в глазах матери мелькнула тревога.

– Тебе не нужно ни о чем беспокоиться, – сказала она поспешно. – У меня есть что-то, что должно тебе понравиться.

Она имела в виду, конечно, гравюры – старинные и очень дорогие гравюры, которые принадлежали еще ее деду, но у Майкла было на этот счет свое мнение. Он хотел повесить у себя в кабинете картины Нэнси.

В его глазах вспыхнул упрямый огонек, и это не укрылось от внимательного взгляда Марион.

– Мама... – Майкл сел рядом с ней и вытянул под столом ноги. – Спасибо большое, Мэтти, – сказал он служанке, которая принесла кофе.

– Не за что, мистер Хиллард. – Мэтти снова улыбнулась ему. Майкл всегда был очень вежлив с ней и другими слугами и держался так, словно ему было неудобно беспокоить их по пустякам. В отличие от... – Что-нибудь еще, мэм?

– Нет, хотя... Может быть, мы перейдем в библиотеку, Майкл?

– Хорошо, идем. – Майкл кивнул, ибо ему пришло в голову, что в библиотеке разговаривать будет легче. Огромная гостиная матери всегда напоминала ему просторный балльный зал, который он видел в одном из загородных имений Хиллардов. Никакой откровенный разговор здесь был попросту невозможен.

Майкл поднялся и вышел из гостиной вслед за матерью. Библиотека была совсем рядом; чтобы попасть туда, нужно было лишь пройти под аркой, повернуть налево и подняться на три невысокие ступеньки, застеленные толстым зеленым ковром.

Из окон библиотеки открывался прекрасный вид на Пятую авеню и Центральный парк. В камине горели настоящие кедровые поленья, и по всей комнате плыл их душистый смолистый запах. Две стены были сплошь заняты книжными полками, третья была свободна, и на ней висел портрет отца Майкла. Это был, пожалуй, самый удачный его снимок. На нем, во всяком случае, он выглядел нежным, внимательным и добрым – человеком, с которым каждому, кто глядел на портрет, хотелось познакомиться поближе.

В детстве Майкл часто приходил сюда, чтобы «поговорить» с отцом; сначала он беседовал с ним вслух, но Марион, однажды застав его за этим занятием, попыталась внушить сыну, насколько это глупо. С тех пор Майкл беседовал с отцом только про себя, но он знал, что мать сама часто приходит сюда и плачет, глядя на портрет.

В библиотеке Марион уселась в свое любимое кресло эпохи Людовика XV, обитое затканым золотыми розами светло-бежевым плюшем и стоящее перед самым камином. Ее платье было почти такого же песочно-желтого оттенка, и, когда на него упал оранжевый отсвет пламени, Майкл невольно подумал, что она прекрасна. Вернее, почти...

Когда-то Марион действительно была очень хороша собой, но сейчас ей уже исполнилось пятьдесят семь, и время не пощадило ее. Светлые, цвета спелого меда, волосы начали седеть, вокруг глаз залегли глубокие морщины, а в лице, где некогда буйствовали яркие краски лета и ранней осени, теперь царило холодное предзимье. Живость и непосредственность, когда-то сквозившие в каждой ее черточке, были вытеснены теперь другими заботами – главным образом заботами делового свойства, – и васильковые глаза Марион все чаще и чаще казались серо-стальными.

– Мне почему-то кажется, ты приехал, чтобы сказать мне нечто важное, Майкл. Что-нибудь случилось?

Ее голос казался спокойным, но в уме Марион лихорадочно перебирала все возможные неприятности. Майкл разбил чужую машину. Сделал ребенка понравившейся девчонке.

Подрался в баре. Все это, разумеется, ничего не стоило уладить, лишь бы только Майкл ничего не скрывал. «Хорошо, что он приехал...» – подумалось ей.

– Да нет, ничего не случилось, просто мне хотелось кое-что обсудить с тобой...

«Обсудить...» – Майкл поморщился. Похоже, он выбрал не самое удачное слово, но поправить было уже ничего нельзя. Ему следовало сказать матери, что он приехал сюда, чтобы *сообщить* ей нечто, поставить ее в известность о своих намерениях, ибо обсуждать здесь было нечего.

– Мне кажется, нам пора поговорить откровенно, – добавил он решительно.

– Можно подумать, что обычно мы с тобой *не* откровенны, – парировала Марион.

– Не во всем. – Теперь во всей его позе читалось напряжение. Чтобы избавиться от него, Майкл даже наклонился вперед в своем кресле, однако это не помогло. Спиной он чувствовал устремленный на него взгляд отца, и это заставляло Майкла нервничать еще больше.

– Мы никогда не говорили с тобой откровенно о Нэнси, мама.

– О ком? – Голос и взгляд Марион выражали такое равнодушие, словно она впервые слышала это имя, и в какое-то мгновение Майклу даже захотелось ударить мать по щеке, чтобы с нее слетела эта маска притворства.

– О Нэнси Макаллистер. О моей девушке.

– Ах да... – Последовала непродолжительная пауза. Марион рассеянно тронула кончиком пальца лежащую на блюде серебряную эмалевую ложечку, и та негромко звякнула. – И в каком смысле мы не говорим о ней откровенно?

Глаза Марион словно бы подернулись тонкой ледяной коркой, но Майкл не собирался отступать.

– Ты делаешь вид, будто ее не существует. И я, в свою очередь, старался не напоминать тебе о ней, чтобы не расстраивать лишний раз, но... Видишь ли, я собираюсь на ней жениться. – Он перевел дух и откинулся на спинку кресла. – Через две недели, мама.

– Понятно. – На лице Марион Хиллард не дрогнул ни один мускул. – Могу я узнать, к чему такая спешка? Она что, беременна?

– Разумеется, нет.

– Тогда зачем, позволь спросить, тебе понадобилось на ней жениться? – Марион в недоумении вскинула брови. – И почему именно через две недели?

– Потому что через две недели я заканчиваю учебу; потому что через две недели я переезжаю в Нью-Йорк; потому что через две недели я начинаю работать у тебя. В конце концов, просто потому, что это имеет смысл.

– Для кого?

Лед в глазах Марион сделался толще, и Майклу стало очень не по себе под этим пристальным взглядом. Ни на мгновение она не отвела глаз от его лица, и он невольно вздрогнул, когда его слуха достиг негромкий шелест шелка – это Марион положила одну ногу на другую. В бизнесе она была безжалостна – порой одного ее взгляда хватало, чтобы заставить человека сдаться и пойти на любые уступки. И в своих отношениях с сыном Марион хоть и редко, но прибегала к подобному приему.

– Это имеет смысл для нас, мама.

– Для вас – может быть, но не для меня. Наша компания только что получила крупный заказ. Мы должны построить в Сан-Франциско новый медицинский центр. У тебя не будет ни одной свободной минутки ни для жены и ни для кого. Я... я очень рассчитывала на тебя, Майкл. В ближайшие два-три года тебе придется очень много работать, чтобы с тобой начали считаться в деловом мире. И потом... Откровенно говоря, дорогой, мне очень не хотелось бы, чтобы ты спешил с женитьбой.

Последняя ее фраза прозвучала намного мягче, чем все предыдущие, и в душе Майкла проснулась надежда.

– Нэнси – настоящее сокровище, мама. Она не будет отвлекать меня от работы и не станет помехой тебе. Она просто чудо, и...

– Может быть, и так, но я не думаю, что Нэнси подходящая жена для тебя. Ты подумал о неминуемом скандале?..

Теперь в глазах Марион сверкало нескрываемое торжество. Она готовилась нанести последний, убийственный удар, и Майкл, не знавший, что за козыри могут быть у матери в рукаве, невольно задержал дыхание и едва не зажмурил глаза. Он чувствовал себя беспомощной жертвой – полевой мышью, на которую в ночной темноте бесшумно несется что-то крылатое, хищное, огромное.

– О каком скандале?

– Разве твоя девушка не рассказывала тебе, кто она такая?

О боже!.. Что значит – «кто она такая»?

– Что ты имеешь в виду? – внезапно пересохшие губы едва повиновались ему.

– Только то, что ты совсем ее не знаешь. Вот, взгляни-ка на это...

Марион грациозно наклонилась и, поставив на ковер чашку с блюдцем, тут же выпрямилась. Встав с кресла, она подошла к стоявшему в углу столу и достала из нижнего ящика пухлую картонную папку. Вернувшись к камину, она молча протянула ее сыну.

– Что это?

– Это отчет частного сыскного бюро. Я просила их выяснить, что собой представляет твоя маленькая художница, и, говоря откровенно, то, что я узнала, мне очень не понравилось.

Эти последние слова были преуменьшением. Получив отчет сыскного бюро, Марион пришла в ярость.

– Пожалуйста, не спеши и внимательно прочти эти документы.

Не спешить и не волноваться было выше его сил, и – действуя почти против своей воли – Майкл открыл папку и начал читать. Из первых же страниц досе он узнал, что отец Нэнси погиб в тюрьме, когда она была еще младенцем, а мать умерла от алкоголизма два года спустя. В короткой справке указывалось также, что отец Нэнси отбывал семилетний срок за вооруженное ограбление.

– Очаровательная семейка, не правда ли, дорогой? – В голосе Марион сквозило презрение, и Майкл, не сдержавшись, с такой силой швырнул папку на пол, что листы из нее разлетелись по всей библиотеке.

– Я не буду читать эту мерзость!

– Можешь не читать, но на этой мерзости ты собираешься жениться.

– Какая разница, кем были ее родители? Разве Нэнси виновата, что ее отец был преступником, а мать – пила?

– Нет, это не ее вина, а ее несчастье. И оно будет твоим, если ты на ней женишься. Будь разумным человеком, Майкл! В самое ближайшее время ты вступишь в мир бизнеса и будешь заключать сделки на миллионы долларов. Твоя репутация должна быть безупречной. Малейший намек на скандал погубит нас, понимаешь? Твой дед, старый Эйб Коттер, основал это дело больше пятидесяти лет назад, а теперь ты готов все поставить под удар из-за какой-то юбки. Не сходи с ума, Майкл! Тебе уже давно пора было вырасти. Беззаботная юность кончилась, вернее – кончится ровно через две недели. – Тут она взглянула на сына, и лед в ее взгляде обжег Майкла, словно самое горячее пламя. – В общем, я даже не собираюсь обсуждать с тобой этот вопрос, Майкл. У тебя нет никакого выбора.

Она всегда говорила ему это! Проклятие, она всегда...

– Черта с два у меня нет выбора! – Его голос напоминал сейчас звериный рык, а не голос человеческого существа.

Вскочив с кресла, Майкл принялся расхаживать из угла в угол, наступая на вывалившиеся из папки листы.

– Я не намерен всю жизнь послушно исполнять то, что говоришь мне ты, мама. Я не хочу и не буду! Или ты собираешься водить меня на помочах до тех пор, пока ты не удалишься от дел, а потом будешь управлять мною из-за кулис, как марионеткой, дергая за ниточки? Нет, к черту!.. Я буду на тебя работать, но и только. Моя жизнь принадлежит только мне, и я имею право распоряжаться ею по своему усмотрению. Я женюсь когда захочу и на ком захочу!

– Майкл!..

Марион хотела сказать что-то еще, но в этот момент дверной колокольчик несколько раз звякнул, и они замерли, напоминая двух тигров, впервые оказавшихся в одной клетке. Большая старая кошка и дерзкий молодой кот: каждый из них слегка побаивался другого, каждый стремился к победе и готов был до последнего сражаться за свое право. Они все еще стояли в противоположных углах комнаты, тяжело дыша от гнева и ярости, когда дверь отворилась, и в библиотеку вошел Джордж Каллоуэй.

Надо отдать ему должное – Джордж сразу почувствовал, какое сильное напряжение витает в воздухе. На протяжении многих лет этот элегантный и сдержанный человек был правой рукой Марион Хиллард; он прекрасно изучил ее и знал, что только чрезвычайные обстоятельства могли заставить ее потерять над собой контроль.

Джордж Каллоуэй был не простым служащим: в корпорации «Коттер-Хиллард» он пользовался большим влиянием и властью, хотя, в отличие от Марион, которая была на виду, предпочитал держаться в тени. И Джордж умело пользовался этой властью, какой бы незаметной она ни была.

Именно это умение и компетентность в делах много лет назад помогли ему заслужить сначала уважение, а затем и полное доверие Марион, которая тогда только-только заняла кресло руководителя корпорации вместо своего мужа. Строго говоря, в первый год своего директорства Марион была лишь номинальной главой фирмы, и всеми делами «Коттер-Хиллард» заправлял Джордж Каллоуэй, который упорно обучал Марион практике управления бизнесом.

И он весьма преуспел в этом. Марион не только усвоила его уроки, но и прибавила к ним крупицы своего и чужого опыта и вскоре сделалась настоящим руководителем: гибким, грамотным, уверенным в себе, не знающим жалости ни к конкурентам, ни к тем, кто работал на нее не покладая рук. И все же каждый раз, когда ей предстояло заключить какую-нибудь крупную сделку или начать какой-то новый проект, она по-прежнему полагалась на мнение Джорджа.

Для него же подобное доверие значило очень многое. Сознание того, что после стольких лет он все еще нужен Марион, грело его душу гораздо больше, чем растущий не по дням, а по часам счет в банке. Джорджу было под шестьдесят, и он уже столько лет проработал на корпорацию, что практически не отделял себя от нее. Да и с Марион они сработались настолько, что были практически неразделимы. Они стали единой командой, работавшей дружно и слаженно; они научились понимать друг друга с полуслова, и каждый из них делал другого стократ сильнее.

Часто Джордж спрашивал себя, знает ли Майкл, насколько близкие люди он и его мать. Лично он сомневался, что молодой человек отдает себе в этом отчет. Майкл привык чувствовать себя центром вселенной Марион и оставался в неведении относительно чувств, которые питал к ней Джордж. Самое любопытное, что и сама Марион вряд ли понимала, насколько она ему безразлична, однако Джордж смирился с этим положением и теперь отдавал всю свою энергию бизнесу. Впрочем, в душе он продолжал лелеять надежду, что, быть может, когда-нибудь она сумеет оценить его нежность и душевное тепло.

Едва войдя в библиотеку, Джордж поглядел на Марион и сразу почувствовал, как в нем нарастают беспокойство и тревога. Слишком уж хорошо он знал, что означают эти напряженные морщинки в уголках губ и странная бледность, разливавшаяся по коже ее скул под слоем пудры и румян.

– Марион, с тобой все в порядке?

Этот вопрос вырвался у него непроизвольно, поскольку Джордж был осведомлен о состоянии здоровья Марион гораздо лучше, чем кто бы то ни было. Много лет назад она сама посвятила его во все подробности: хотя бы в интересах бизнеса кто-то должен был знать, что у нее опасно высокое давление и серьезные проблемы с сердцем.

Ответ Джордж получил не сразу. Несколько мгновений Марион оставалась неподвижной. Потом, с трудом оторвав взгляд от сына, она повернулась к своему давнему другу и партнеру:

– Д-да, пожалуй... Все в порядке. Извини, Джордж, добрый вечер. Заходи.

– Может быть, я не вовремя?

– Совсем нет, Джордж, совсем нет. Я все равно собирался уходить. – Майкл тоже повернулся к нему, но лицо его осталось напряженным и хмурым. Потом он снова бросил быстрый взгляд на мать. – Спокойной ночи, мама, – проговорил он.

– Я позвоню тебе завтра, Майкл, – отозвалась Марион, уже вполне владея собой. – Мы можем закончить наш разговор по телефону.

Майклу захотелось ответить ей резкостью, чтобы если не напугать, то, по крайней мере, заставить задуматься, но он не знал, что сказать. Да и будет ли толк?..

– Майкл...

Но он не откликнулся на ее призыв. Обменявшись с Джорджем преувеличенно вежливым рукопожатием, Майкл вышел из библиотеки. Он не обернулся, поэтому не видел ни тревоги во взгляде Джорджа, ни того, какие глаза были у его матери, когда она опустила в свое любимое кресло возле камина и поднесла к губам дрожащие ладони. Ей хотелось плакать, но она сдерживалась, сдерживалась из последних сил.

– Что случилось? – спросил Джордж, как только дверь за Майклом закрылась.

– Майкл... Он готов совершить большую глупость.

– Ну, не преувеличивай. В конце концов, все мы время от времени совершаем те или иные безумства.

– В нашем возрасте только грозят, в его возрасте – делают. – Марион отняла руки от лица. Столько усилий, и все напрасно. Доклад частного детектива, телефонные звонки, увещевания...

Она со вздохом выпрямилась.

– Ты принимала сегодня лекарство? – спросил Джордж.

Марион покачала головой, и он быстро огляделся по сторонам.

– Где оно?

– В моей сумочке. Вон там, возле стола...

Делая вид, будто не замечает разбросанных повсюду листов бумаги, Джордж подошел к столу и, наклонившись, взял в руки изящную сумочку крокодиловой кожи с золотой застежкой. Эта сумочка была хорошо ему знакома – он сам подарил ее Марион на позапрошлом Рождестве. Найдя внутри стеклянный флакончик с таблетками, Джордж вернулся к камину и, вытряхнув на ладонь две маленькие белые пилюли, протянул ей.

Марион подняла голову и улыбнулась.

– Спасибо, Джордж. Что бы я без тебя делала...

«Что бы я без тебя делала...» Сама мысль о том, что кому-то из них придется рано или поздно остаться одному, была неприятна Джорджу, и он нахмурился.

– Может быть, мне лучше уйти? – предложил он. – Мне кажется, тебе надо как следует отдохнуть.

– Да нет, ничего, обойдется. Просто Майкл немного меня расстроил.

– Надеюсь, он не передумал работать на фирму?

– Нет, не передумал. Дело не в этом...

Джордж не стал больше ни о чем спрашивать. Ему и так было ясно, что тут замешана женщина. Подробностей он не знал, но сейчас это было не важно; к тому же Джордж видел, что Марион храбрится и что на самом деле она расстроена гораздо сильнее, чем хотела бы показать. Как бы там ни было, лекарство уже начинало действовать, и щеки Марион под слоем пудры слегка порозовели.

Еще через несколько секунд Марион шумно вздохнула и, потянувшись к сумочке, которую Джордж продолжал держать в руках, достала оттуда сигареты. Он поднес ей зажигалку и, пока она задумчиво курила, молча любовался ее лицом. Марион была очень красивой женщиной – он всегда знал это. Даже теперь, когда усталость и болезнь начали сказываться на ее внешности, она все еще оставалась весьма и весьма привлекательной. Интересно, задумался он, знает ли Майкл, насколько серьезно больна его мать? По-видимому, нет, иначе он не решился бы так ее расстраивать.

Джордж не мог знать, что сам Майкл в эти минуты был взволнован и расстроен не меньше матери. Бессильные злые слезы душили его, пока, сидя на заднем сиденье такси, он несся в аэропорт.

Когда Майкл вошел в здание терминала, до его рейса оставалось еще около двадцати минут, и он заскочил в бар, чтобы позвонить Нэнси.

– Ну, как все прошло? – спросила она, не в силах понять по его короткому «привет», какие новости, хорошие или плохие, Майкл готов ей сообщить.

– Все нормально, Нэн. А теперь я хочу, чтобы ты кое-что сделала. Собери вещи, которые могут понадобиться в дороге, оденься и жди меня. Я буду у тебя через полтора часа.

– Зачем? Что-нибудь случилось? – Ее голос звучал удивленно, и Майкл ясно представил себе Нэнси сидящей на диване в ее маленькой гостиной. Он немного помолчал, потом улыбнулся. За последние два часа это была его первая улыбка.

– Я задумал одну сногшибательную штуку, Нэн. Когда приеду, я все тебе расскажу. Тебе понравится, вот увидишь.

– Ты сошел с ума! – Нэнси рассмеялась своим удивительным мягким смехом.

– Ты права – я схожу с ума по тебе!

Майкл наконец-то взял себя в руки. Теперь у него была ясная цель, и он хорошо представлял, как ее достичь. Он вернется к Нэнси, и никто никогда не отнимет ее у него. Никто и ничто. Он поклялся в этом на берегу, над тем камнем, под которым они закопали голубые бусы Нэнси, и не собирался брать свое слово назад.

– О'кей, Нэн, давай, делай, что я тебе сказал. И не забудь надеть что-нибудь новенькое и что-нибудь старенькое... Ну, поняла теперь? – Майкл не просто улыбался – он смеялся от счастья, и Нэнси тоже догадалась, что он имеет в виду.

– Ты хочешь?.. – Она не договорила – так велико было ее удивление.

– Вот именно, любимая. Я хочу жениться на тебе сегодня же вечером. Ты согласна?

– Да, но...

– Никаких «но»!..

– Но почему сегодня? Куда мы так спешим?

– Мой инстинкт подсказывает мне, что лучше сделать это как можно скорее. Кроме того, сегодня полнолуние.

– Полнолуние? Возможно, но я... – Нэнси тоже улыбалась. Она станет его женой. Наконец-то они с Майклом поженятся!

– Через час я буду у тебя, малыш. И еще, Нэн...

– Да?

– Я люблю тебя.

Он повесил трубку и бросился к выходу на летное поле. В самолет он поднялся одним из последних. Бостонский рейс выруливал на взлетную полосу, а Майкл сидел, прижавшись лбом к прохладному иллюминатору, и думал о том, что теперь ничто не может его остановить.

Глава 3

Майкл колотил в дверь вот уже десять минут, и, хотя ему никто не открывал, он не собирался сдаваться. Он знал, что Бен дома.

– Ну же, Бен... – бормотал он себе под нос. – Ну где же ты, черт тебя побери? Просыпайся же, Бен!..

Он снова постучал, и вот наконец за дверью послышались неуверенные шаги, забренчала цепочка, и щелкнул замок. Дверь распахнулась, и Майкл увидел на пороге Бена. Судя по всему, он действительно разбудил его, поскольку приятель стоял перед ним в одном нижнем белье и растерянно потирал подбородок. Глаза его были полузакрыты.

– Господи, Бен! – вырвалось у Майкла. – Что с тобой? Что это тебе вздумалось ложиться?

На лице Бена появилась глуповатая ухмылка, и Майкл догадался, в чем дело.

– Господи, да ты пьян!

– Еще как!.. – невнятно откликнулся Бен и, покачнувшись, схватился за косяк.

– В таком случае тебе придется немедленно привести себя в порядок, – решительно сказал Майкл. – Ты мне срочно нужен.

– Шесть «Бифитеров» с тоником... – пробормотал Бен. – И не подумаю, дружище. Нельзя, чтобы такое добро пропадало зря. А в чем, собственно, дело?

– Потом скажу. Одевайся, а я пойду сварю тебе кофе. – Он включил свет, и Бен страдальчески сморщился.

– Да что случилось-то? – спросил он, но Майкл только улыбнулся в ответ и прошел мимо Бена в крошечную кухню.

– Что тут было? – спросил он, созерцая царивший в кухне беспорядок. – Смерч, ураган, или, может быть, здесь взорвалась граната?

– Граната, – мрачно отозвался Бен. – У меня есть еще одна, и я знаю, куда ее тебе засунуть.

– Ну-ну, не ворчи, – перебил Майкл. – Дело-то особенное...

Он снова улыбнулся Бену, и в глазах последнего вспыхнул огонек надежды.

– Обмоем? – спросил он хрипло.

– Обязательно, но только потом.

– Черт! – Бен плюхнулся в кресло и откинул голову на мягкую спинку.

– Разве тебе не хочется узнать, в чем дело?

– Нет, если в связи с этим я не могу выпить. Впрочем, мы с тобой всегда можем выпить за окончание магистратуры. Мы можем поднять бокалы за твою диссертацию. За...

– ...И за мою женитьбу.

– Вот-вот... – Бен кивнул и вдруг выпрямился, широко открыв глаза. – Повтори, что ты сказал? – раздельно спросил он.

– Что слышал... – Майкл ухмыльнулся. – Мы с Нэнси собираемся пожениться.

Последние слова он произнес со спокойным достоинством человека, который привык отдавать себе отчет в своих действиях.

– А-а, вечеринка по случаю помолвки!.. – Бен довольно ухмыльнулся. Повод казался ему достаточно серьезным, чтобы довести число употребленных «Бифитеров» до двенадцати. Или даже до пятнадцати.

– Нет, Эйвери, это не помолвка. Ты каким местом слушаешь? Я же сказал тебе – я женюсь на Нэнси.

– Сегодня? Сейчас? – растерянно спросил Бен. Майкл Хиллард был непревзойденным мастером по части неожиданных и необъяснимых поступков, но даже для него это было слишком. – Но почему сейчас?

– Потому что мы так хотим. Кроме того... Нет, я не буду ничего объяснять – ты слишком пьян и все равно ничего не поймешь. В общем, от тебя требуется только одно: быть нашим свидетелем. Как ты на это смотришь?

– Конечно, положительно... – Он немного помолчал. – Сукин ты сын, Майкл, неужели ты действительно собираешься...

Бэн вскочил с кресла, но тотчас же налетел босой ногой на ножку кофейного столика и выругался.

– Черт побери, как больно!..

– Ступай оденься да постарайся не изувечиться. Кофе сейчас будет готов.

– Хорошо... – И, продолжая что-то бормотать себе под нос, Бен скрылся в спальне.

Вернулся он значительно трезвее. На нем даже был темно-бордовый галстук с черно-бежевым рисунком, который он надел на шелковую тенниску в синюю и красную полосу, но Майкл, взглянув на него, покачал головой.

– Галстук не в тон, – заметил он с улыбкой.

– А что, я обязательно должен быть в галстуке? – забеспокоился Бен. – Я не нашел ни одного подходящего...

– Нет, галстук не обязательно, – успокоил его Майкл. – Просто застегни ширинку, и у тебя будет вполне приличный вид. Кстати, мне почему-то кажется, что тебе понадобится и второй башмак.

Бен посмотрел на ноги и, убедившись, что на нем действительно только одна туфля, расхохотался.

– Да, похоже, я действительно перестарался. Но ведь я не знал, что тебе приспичит жениться именно сегодня. Что, так трудно было предупредить меня заранее?

– Сегодня утром я сам еще ничего не знал.

– Не знал? – Бен взглянул на него с неожиданной серьезностью, и Майкл кивнул.

– Не знал.

– И ты уверен, что...

– Да. И, пожалуйста, не надо речей – на сегодня с меня хватит. Просто постарайся прийти в себя прежде, чем мы заедем за Нэнси.

И он вручил Бену большую кружку горячего кофе. Бен сделал большой глоток, обжегся и поморщился.

– Какая бессмысленная трата хорошего джина!

– После свадьбы я поставлю тебе еще.

– Кстати, где вы собираетесь б-бракосочетаться? – Сложные слова все еще давались Бену с трудом.

– Увидишь. Тут неподалеку есть один прелестный городок, который уже давно мне нравится. Однажды, еще ребенком, я провел там летние каникулы. На мой взгляд, это самое подходящее место для того, чтобы сочетаться браком с любимой женщиной. К тому же до него не больше часа езды.

– А у тебя есть разрешение на брак?

– Оно нам не потребуется. Это один из тех городков, где все делается за один присест, без излишних формальностей. Ты готов?

Бен залпом допил кофе и кивнул.

– Думаю, да. – Он ненадолго задумался. – Что-то я нервничаю. А ты, Майкл? Неужели ты ни капельки не волнуешься?

Бен смерил Майкла уже вполне трезвым взглядом, но его приятель выглядел до странности спокойным.

– Нет, нисколько.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Просто так взять и жениться... Не понимаю! – Бен пожал плечами и снова устался на свои ноги. На нем по-прежнему был только один ботинок, и он растерянно огляделся по сторонам.

– Впрочем, Нэнси чертовски хорошая девушка.

– Ты даже не можешь себе представить, насколько она хорошая, – убежденно сказал Майкл и, заметив под диваном второй ботинок Бена, пинком подтолкнул его на открытое место. – В ней есть все, о чем я только мог мечтать.

– Тогда есть надежда, что брак даст вам все, что вы хотите. – Во взгляде Бена промелькнула неподдельная радость, и Майкл порывисто схватил его за руки:

– Спасибо. Спасибо тебе, Бен!..

Но уже в следующее мгновение приятели разжали объятия, торопясь навстречу будущему, которое оба готовы были встретить с радостной надеждой.

– Как я выгляжу? – Бен похлопал себя по карманам, чтобы убедиться, что бумажник и ключи на месте.

– Ты выглядишь просто шикарно.

– Да ладно тебе... Черт, куда я задевал ключи?

Он беспомощно огляделся по сторонам, и Майкл расхохотался, ибо искомые ключи были пристегнуты к брючному ремню Бена.

– Идем, Эйвери. Нам пора.

Промаршировав по коридору и во весь голос распевая озорные песни, которые прошлым летом частенько исполнялись в местных пивных и забегаловках, они вдвоем произвели шума не меньше, чем хорошая компания. Должно быть, их было слышно на всех этажах, но ни одна живая душа не выглянула в коридор, чтобы урезонить друзей – дом был населен в основном студентами и аспирантами университета, по тем или иным причинам предпочитавшим жить за пределами городка, и ночное пение не могло никого удивить. Через две недели начинались летние каникулы, и каждый как мог праздновал приближение этого благодатного времени.

Десять минут спустя они уже затормозили возле дома Нэнси на Спарк-стрит. Майкл дважды нажал на сигнал, и взволнованная Нэнси, нетерпеливо поджидавшая у окна, поманила им рукой. Она давно была готова, поэтому ей понадобилось всего несколько секунд, чтобы спуститься вниз.

Когда она появилась из подъезда и подошла к машине, оба молодых человека ненадолго лишились дара речи. Майкл опомнился первым:

– Боже мой, Нэн, ты потрясающе выглядишь! Откуда у тебя это платье?

– Я купила его давно, просто не было случая надеть.

Несмотря на необычные обстоятельства своей свадьбы, Нэнси чувствовала себя настоящей невестой. Она была одета в белое кружевное платье, а ее блестящие черные волосы покрывала кокетливая атласная шляпка голубого цвета. Это платье Нэнси купила три года назад, чтобы пойти в нем на свадьбу подруги, но Майкл еще ни разу его не видел. Наряд Нэнси довершала очень старая и очень красивая кружевная шаль. По примете, о которой Майкл напомнил ей в телефонном разговоре, на невесте в день свадьбы должно было быть надето что-то новое и что-то старое, и Нэнси взяла эту шаль, которая принадлежала еще ее прабабке и была едва ли не единственной вещью, которая осталась у нее на память о родителях.

В этом своем наряде она выглядела так обворожительно-прекрасно, что Майкл не сразу нашелся, что сказать. Даже Бен, казалось, совершенно протрезвел при одном взгляде на Нэнси.

– Ты выглядишь, как настоящая принцесса, Нэн, – сказал он, когда дар речи снова вернулся к нему.

– Спасибо, Бен.

– Слушай, а ты взяла что-нибудь взаймы?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, невесте полагается надевать что-то новое, что-то старое, что-то взятое взаймы, – пояснил Бен.

Нэнси отрицательно покачала головой.

– Тогда держи... – Бен снял с шеи тонкую золотую цепочку очень красивого плетения. – Сестрица преподнесла ее мне к окончанию магистратуры, но я не выдержал и открыл подарок раньше. Я даю тебе ее напрокат.

С этими словами Бен выбрался из машины и застегнул цепочку на шею Нэнси. Цепочка оказалась ей как раз впору: она лежала чуть выше выреза платья и красиво поблескивала.

– О, она просто чудо!

– Как и ты. – Майкл тоже выбрался из машины и придержал для Нэнси переднюю дверь. – Перебирайся назад, Эйвери. А ты, Нэн, садись рядом со мной.

– Разве она не может посидеть у меня на коленях? – проворчал Бен, ныряя в заднюю дверь.

Майкл наградил его преувеличенно свирепым взглядом, и Бен поспешно поднял руки к лицу, словно защищаясь.

– О'кей, приятель, о'кей. Только не волнуйся. Я же просто так сказал... Мне показалось, что раз я главный свидетель, дружка, шафер и посаженный отец в одном лице...

– Вот поэтому ты и посажен на заднее сиденье, – отрезал Майкл и, не удержавшись, фыркнул. Все это были просто шутки в духе Бена Эйвери, и все трое прекрасно это понимали.

Нэнси уселась на переднее сиденье и, захлопнув дверцу, с нежностью посмотрела на человека, женой которого она вот-вот должна была стать. Лишь на мгновение она задумалась о том, что Майкл так и не сказал ей, чем закончился его разговор с матерью, однако Нэнси отогнала от себя эту мысль. Сейчас она должна думать только о себе и о Майкле.

– Конечно, все это – совершенное безумие... – проговорила она, задумчиво пожимая плечами. – Но мне нравится.

Выехав на шоссе, ведущее в тот самый крошечный городок, который имел в виду Майкл, они то принимались шутить, то снова притихали, но в конце концов задумчивость овладела всеми, и они замолчали. Каждый думал о своем: Майкл вспоминал свой разговор с матерью, Нэнси размышляла о том, что этот день переменит всю ее жизнь, Бен на заднем сиденье просто дремал.

– Нам еще долго, милый? – спросила она наконец, чувствуя, что с каждой минутой волнуется все больше.

– Еще миль пять или около того. Мы уже почти приехали... – Ненадолго отвлекшись от управления, Майкл взял ее руку в свою. – Не волнуйся, через несколько минут мы уже поженемся, и ты станешь миссис Хиллард.

– Тогда прибавьте газу, мистер, пока я не отсидел ноги, – пробасил с заднего сиденья проснувшийся Бен, и все трое засмеялись.

Майкл послушно нажал на газ, и машина плавно вошла в поворот шоссе.

В следующее мгновение смех замер на губах Майкла. Прямо на них мчался огромный дизельный грузовик, занимавший сразу обе полосы. Он рыскал из стороны в сторону, как

будто водитель заснул за рулем, и Майклу некуда было свернуть. Действуя скорее машинально, чем осознанно, он все же нажал на тормоза, но страшный лобовой удар был неминуем.

Последнее, что услышала Нэнси, было донесшееся сзади приглушенное «О боже!» Бена. Потом уши Нэнси заполнил ее собственный пронзительный крик. Удар! Серебристый звон разбившегося стекла, рев двух двигателей, скрежет раздираемого металла, треск лопающейся пластмассы – все смешалось в одной адской какофонии звуков. И неожиданно все смолкло, и окружающий мир погрузился во тьму и тишину.

* * *

Казалось, прошло несколько лет, прежде чем Бен пришел в себя. Он застрял в промежутке между передними сиденьями, и голова его утыкалась куда-то под приборную доску. В голове словно работали кувалдой – так громко стучала в ушах кровь. Когда же Бен попытался открыть глаза, это удалось ему далеко не сразу. От напряжения его даже чуть не вырвало. Вокруг почему-то было темно, но Бен сумел разглядеть множество мелких стеклянных осколков, которые словно ковром покрывали сиденья, пол в салоне и даже складки рукавов его куртки.

Сколько-то время спустя – сколько, этого Бен не мог бы сказать – он сумел повернуть голову и увидел Майкла. Тот сидел на переднем сиденье, неловко навалившись грудью на рулевое колесо, и из-под волос его стекала на скулу извилистая струйка крови. Глаза Майкла были открыты, но он не шевелился. И Бен тоже не шевелился – он просто лежал и смотрел на эту кровавую змейку, криво прочертившую лицо друга.

«Майкл... – как-то равнодушно подумал Бен. – Почему кровь?.. Майкл ранен». И внезапно он все вспомнил. Рев грузовика, удар... Боже!.. Авария! Они попали в аварию, и Майкл сидел за рулем. А он...

Бен попытался выбраться из щели между сиденьями, но у него в голове что-то щелкнуло, и он опять отключился. Прошло еще несколько минут, прежде чем он снова открыл глаза и перевел дух. Майкл сидел в прежней позе и не шевелился, но теперь Бен видел, что он, по крайней мере, дышит.

Двигаясь медленно и осторожно, боясь снова потерять сознание, Бен кое-как вернулся на заднее сиденье и поднял голову. Первым, что он увидел, был грузовик, с которым они столкнулись. Он валялся на боку в кювете, и одно колесо еще медленно вращалось. Там же, придавленный кабиной, лежал и мертвый водитель грузовика, но сейчас Бену не было его видно. Пройдет еще много времени, прежде чем грузовик поднимут и достанут тело пьяного шофера.

Не сразу Бен заметил, что в машине не осталось никаких стекол. Передняя дверца с водительской стороны была сорвана вместе с петлями, и в салоне гулял сквозняк, однако, несмотря на это, в воздухе одуряюще пахло бензином. Крыша салона слегка вмялась внутрь, и перед самым носом Бена раскачивался обод разбитого потолочного светильника.

Неожиданно Бен вспомнил... С ними в машине был кто-то еще. А-а, Нэнси. И они ехали... Кажется, к кому-то на свадьбу, только к кому? Ему было все еще трудно связно восстановить в памяти все события – гул в голове не прекращался, перед глазами все плыло, а когда он попытался выйти из машины, ногу пронзила острая, отдававшая в ребра боль. Стиснув зубы, Бен все же сумел встать и сразу увидел ее.

Нэнси лежала лицом вниз на смявшемся гармошкой капоте, и на ней было какое-то странное красно-белое платье.

О боже, должно быть, она мертва!..

Позабыв о боли в ноге, Бен подковылял к ней и попытался сначала приподнять, потом – просто перевернуть ее. Нэнси безвольно обмякла в его руках, и только сейчас Бен увидел мелкие стеклянные осколки, которыми были усыпаны ее волосы. Осколки лобового стекла, которое она выбила головой, были не только в ее волосах, но и на платье, на капоте, на...

О господи! Бену наконец удалось повернуть Нэнси лицом к себе, и то, что он увидел, заставило его зарыдать от жалости и ужаса.

У Нэнси больше не было лица. Под атласной шляпкой, чудом удержавшейся у нее на голове, Бен увидел сплошное кровавое месиво, из которого торчали осколки. Бен не знал, жива ли Нэнси, но в одно ужасное мгновение ему захотелось, чтобы она умерла. Той Нэнси, которую он когда-то знал, больше не существовало. У незнакомки, которая лежала на капоте, больше не было ни гладкой светлой кожи, ни чистого лба, ни высоких скул, ни ясных голубых глаз.

К счастью для себя, в этот момент Бен снова потерял сознание и медленно сполз под колеса автомобиля. На его лице запеклась кровь Нэнси в потеках его собственных слез.

Глава 4

Пугающая бледность покрывала лицо Майкла, и Марион Хиллард, сидевшая в углу больничной палаты, следила за ним с напряженным вниманием. Сердце ее буквально обливалось кровью. Ей казалось, что однажды она уже побывала в этой комнате, видела это лицо... Нет, разумеется, и комната была другой, и лицо – тоже, но, несмотря на это, Марион продолжала чувствовать себя так, словно ничего не изменилось. И, следовательно, ей следует быть готовой к самому худшему.

Вся ситуация сильно напоминала ей те напряженные страшные дни, когда Фредерик слег с тромбозом коронарных сосудов, за считанные часы приведшим его к концу. Тогда Марион тоже чувствовала себя такой же испуганной, одинокой и беспомощной и только тихо молилась, чтобы все обошлось. Увы, Господь не услышал ее молитв...

Марион негромко всхлипнула и тотчас же выпрямилась, испуганно оглядываясь по сторонам. Она не должна плакать. Она не должна даже думать о том, чем все это может кончиться. Ее муж умер, но Майкл был жив, и он должен остаться в живых! Если бы и он ушел, то жизнь Марион утратила бы всякий смысл. Нет, она не допустит, чтобы с ним что-нибудь случилось, чего бы это ни стоило. Она поддержит его всеми силами, которые у нее остались.

Взгляд ее остановился на лице пожилой медсестры. Медсестра внимательно наблюдала за показаниями приборов; время от времени она пристально вглядывалась в неподвижные черты Майкла, но в ее глазах не было заметно никаких признаков тревоги, и Марион незаметно перевела дух.

Со времени аварии прошло чуть меньше двадцати часов, и все это время Майкл пролежал в коме. Арендванный лимузин с шофером доставил Марион в больницу около пяти утра, но, если бы понадобилось, она пришла бы пешком, ибо не было такой силы, которая могла бы помешать ей быть рядом с Майклом. Кроме него, у нее больше никого не было. Только корпорация, но ведь и бизнесом она занималась ради сына. Нет, конечно же, не только ради него, но в основном – да... Богатство, успех, власть – это был ее главный дар Майклу, и он не мог, не имел права отказываться от него ради этой маленькой сучки... И точно так же он не мог, не должен был умереть сейчас, не успев воспользоваться тем, что Марион приготовила для него.

О господи!.. Марион снова негромко вздохнула. Во всем виновата она, эта маленькая шлюха Нэнси. Должно быть, это она уговорила Майкла поспешить с регистрацией брака. Она...

Медсестра тихо встала и оттянула Майклу веко, проверяя реакцию зрачка, и Марион тут же насторожилась. Мгновенно забыв о том, о чем только что думала, она вскочила и бесшумно подошла к кровати Майкла. Марион тоже хотела видеть то, что видела медсестра – что бы это ни было! – однако беспокоилась она напрасно. Никаких перемен. Ничего. Абсолютно ничего нового.

Тронув Марион за запястье, медсестра отрицательно покачала головой и вполголоса произнесла те же самые слова: «Без перемен». Потом она взглядом показала в сторону двери, и Марион послушно вышла за ней в коридор.

На этот раз беспокойство сестры было вызвано не состоянием пациента, а состоянием его матери.

– Доктор Викфилд просил передать вам, миссис Хиллард, чтобы вы не задерживались здесь дольше пяти часов. Боюсь, вам пора...

Она посмотрела на свои наручные часы и виновато улыбнулась. На часах было уже четверть шестого, а это значило, что Марион просидела у постели сына ровно двенадцать

часов. За все это время она никуда не отлучалась, ничего не ела и только выпила две чашки кофе. Но, несмотря на это, она не чувствовала ни голода, ни усталости, ничего. И уходить Марион тоже не собиралась.

– Спасибо, что предупредили, но... – Марион покачала головой. – Я только дойду до конца коридора и сразу вернусь. Не беспокойтесь, с доктором Викфилдом я поговорю сама.

Нет, она не уйдет от Майкла. Ни за что. Однажды, много лет назад, Марион точно так же оставила Фредерика, отлучившись всего на сорок минут, чтобы пообедать. Врачи заставили ее сделать это, и именно в это время ее муж скончался. Он умер, когда ее не было рядом, и Марион знала, что не повторит этой ошибки. Она не уйдет, и никто ее не уговорит. Пока она рядом, Майкл не умрет – Марион знала это абсолютно точно, хотя это и противоречило логике.

Кроме того, она надеялась, что Майкл скоро выйдет из комы, и тогда она сама сможет убедиться, насколько сильно он пострадал. Доктор Викфилд утверждал, что Майкл получил несколько внутренних повреждений средней тяжести и что его жизни ничто не угрожает, но рисковать Марион не решалась. Тогда, в случае с Фредериком, ее тоже убеждали, что все обойдется, а чем это обернулось?

И, почувствовав, что на глаза снова навернулись слезы, Марион отвела взгляд и стала смотреть на выкрашенную голубой краской стену за спиной медсестры.

– Миссис Хиллард? – Медсестра осторожно тронула ее за локоть, и Марион слегка вздрогнула. – Вам нужно немного отдохнуть. Доктор Викфилд приготовил для вас комнату на третьем этаже, так что вы можете...

– В этом нет необходимости. Со мной все в порядке... – Марион машинально улыбнулась пожилой медсестре и медленно пошла вдоль коридора.

Майское солнце стояло еще довольно высоко, его теплые лучи били прямо в больничные окна, и Марион, устроившись на нагретом подоконнике, закурила первую за сегодняшний день сигарету. Щурясь от дыма, она равнодушно смотрела, как солнце клонится к горизонту – к пологим холмам, на склонах которых раскинулся чистенький, словно игрушечный, городок с крошечной белой церквушкой.

«Слава богу, – подумала она, – что этот городок только кажется провинциальным захолустьем». На самом деле до Бостона было меньше часа езды, и Марион сумела довольно быстро собрать здесь на консилиум лучших врачей, каких только сумела найти. Потом, когда Майкл оправится настолько, что переезд уже не сможет ему повредить, его отправят в лучшую частную клинику Нью-Йорка, но это будет не сразу. Пока же Марион с удовлетворением подумала, что даже здесь ее мальчик в надежных руках.

Она уже знала, что, если не считать водителя грузовика, Майкл пострадал серьезнее всех. Мальчишка Эйвери отделался несколькими переломами, но он был в сознании, и уже после полудня отец отвез его в Бостон на машине «Скорой помощи». У Бена были сломаны рука, голень, бедро и ключица, но его жизни ничто не угрожало, и никто не сомневался, что он быстро оправится от травм. Девчонка... Что ж, она сама была во всем виновата. Незачем ей было...

Марион бросила сигарету на линолеум и раздавила ногой. С девчонкой тоже все обойдется. Жить, во всяком случае, она будет. Правда, во время столкновения серьезно пострадало ее лицо, но если как следует подумать, то это даже к стати...

Несколько мгновений Марион сражалась со своим гневом и горечью, пытаясь вызвать в себе хоть каплю христианского сострадания к молодой девушке, которая теперь на всю жизнь останется изуродованной. Делала она это, однако, вовсе не из добросердечия, а из лицемерного страха перед высшими силами, которые могли наказать ее за подобные мысли и отнять у нее Майкла. Это, конечно, было чистой воды суеверием, поскольку Марион почти

не верила в Бога, но из этого все равно ничего не вышло. Она продолжала ненавидеть Нэнси всей душой.

– Я, кажется, велел тебе отдыхать! – произнес рядом с ней сердитый голос, и Марион быстро обернулась.

На ее лице появилась усталая улыбка – доктор Викфилд, или попросту Вик, был личным врачом Марион; он пользовал ее на протяжении многих лет и был хорошо осведомлен о состоянии здоровья своей богатой пациентки.

– Ты что, никогда не слушаешь, что тебе говорят, Марион?

– Нет, особенно если я этого не хочу. Что там с Майклом? Есть какие-нибудь новости?

И, озабоченно нахмурившись, она полезла за новой сигаретой.

– Да и куришь ты многовато. – Доктор Викфилд неодобрительно хмыкнул. – Что касается Майкла, то я только что его посмотрел. Состояние стабильное, и я уверен, что он выкарабкается, надо только дать ему время. То, что случилось, было серьезной встряской для всего его организма, но...

– Я тоже подверглась серьезной встряске, когда узнала об аварии. – Марион немного помолчала, вертя в пальцах незажженную сигарету, и врач сочувственно кивнул. – Ты уверен, что не будет никаких последствий в смысле... – Она запнулась, потом тряхнула головой и решительно закончила: – Я имею в виду сотрясение мозга, Вик. Я должна знать правду.

Викфилд потрепал Марион по руке и уселся на подоконник рядом с ней. Городок за их спинами купался в последних лучах солнца и был так красив, что его можно было снимать для пасхальных открыток.

– Я уже говорил тебе, Марион, что, насколько это известно современной медицине, для мальчика все должно пройти бесследно. Многое зависит от того, как долго он будет оставаться в коме. Но я пока не вижу никаких оснований для беспокойства.

– И все равно я боюсь, Вик...

Эти простые слова были так нехарактерны для Марион, что врач удивленно вскинул на нее глаза. Только сейчас ему открылись такие стороны характера его пациентки, о существовании которых он даже не догадывался.

Марион выдержала его взгляд.

– Что с девчонкой? – спросила она, зажигая сигарету и глубоко затягиваясь, и Викфилд машинально кивнул. Перед ним снова была та Марион, которую он хорошо знал – сильная, жесткая, решительная, не знающая ни страха, ни сомнений.

– Да, в общем-то, ничего серьезного. – Викфилд пожал плечами. – Она в сознании, но... Мы мало что можем для нее сделать. У нее легкий ушиб головы; со временем, она, безусловно, оправится, но ускорить этот процесс мы не можем и не должны. Что касается ее лица, то тут дело намного сложнее. В стране есть только один или два человека, которые смогли бы провести восстановительную операцию подобной сложности. От лица практически ничего не осталось: кости раздроблены, нервы и мускулы превратились в лохмотья, а глаза уцелели только чудом.

– Зато она сможет увидеть, какой она стала!

Эти слова были сказаны таким тоном, что доктор Викфилд с осуждением взглянул на нее.

– За рулем был Майкл, – напомнил он, но Марион только кивнула.

Она не считала нужным посвящать врача в подоплеку своего отношения к Нэнси Макаллистер. В том, что случилось с ней и с Майклом, была виновата только она сама, и больше никто.

– Что с ней будет, если не проводить восстановительной операции? Она будет жить?

– К несчастью, да. Только это будет уже не жизнь. Нельзя взять двадцатилетнюю девушку, превратить ее в чудовище и ждать, что она сумеет к этому привыкнуть. Ни один человек не способен на такое. Кстати, она была красива до того, как?..

– Думаю, да. Я не знаю, мы никогда не встречались. – От слов Марион веяло холодом, да и в глазах застыл вечный антарктический лед.

– Понятно. Тогда в любом случае ей придется тяжело. Кое-что ей, конечно, сделают здесь, в больнице, но на многое рассчитывать не приходится. У нее есть средства?

– Никаких. – В устах Марион это слово прозвучало как ругательство. «Нет денег» – для нее это был худший из пороков.

– Тогда никакого выхода у девочки нет. Хирурги, которые делают такие операции, отнюдь не склонны к благотворительности.

– Ты имеешь в виду кого-то конкретное?

– Да, я знаю несколько имен. Собственно говоря, гарантированно справиться с такой работой могут только двое. Самый лучший специалист живет во Фриско... – В сердце Викфилда вспыхнула слабая искорка надежды. Со своими деньгами Марион Хиллард могла бы... – Его зовут Питер Грегсон, – торопливо продолжил он. – Я познакомился с ним несколько лет назад, и, должен сказать откровенно, это человек удивительный во всех отношениях.

– Он может сделать это?

Викфилд почувствовал прилив признательности к этой женщине. Ему даже захотелось выразить свою благодарность, но он не решился.

– С моей точки зрения, – сказал он, – Питер – единственный человек, который способен справиться с этой работой хорошо. Быть может, есть и другие, но я их не знаю. Если хочешь, я могу позвонить ему прямо сейчас. Что скажешь?

Тут он поймал на себе холодный, сосредоточенный взгляд Марион и чуть не прикусил язык. Интересно, что у нее на уме, задумался Викфилд, чувствуя, как его восхищение на глазах тает, уступая место ощущению, подозрительно похожему на страх.

– Когда я приму решение, я дам тебе знать.

– Вот и отлично. – Викфилд кивнул и, бросив взгляд на часы, соскочил с подоконника. – А сейчас я хочу, чтобы ты спустилась вниз и как следует отдохнула. Я говорю совершенно серьезно, Марион. В конце концов, я твой лечащий врач, и...

– Я знаю. – Она одарила его холодной, чуточку напряженной улыбкой. – Но я никуда не пойду, и ты это прекрасно знаешь. Я должна быть с Майклом.

– Ты серьезно решила вогнать себя в гроб?

Марион покачала головой:

– Ничего со мной не случится. Я слишком скверный человек, чтобы так просто взять и умереть, Вик. Кроме того, у меня еще слишком много дел.

– Работа, вечно эта твоя работа... Скажи откровенно, Марион, стоит ли любая работа того, чтобы так перенапрягаться?

Врач посмотрел на Марион с любопытством. Будь у него хотя бы одна десятая ее честолюбия, он уже давно стал бы великим хирургом, однако Викфилд был лишен этого качества, и порой ему казалось, что это только к лучшему. Он даже не завидовал ей. Или почти не завидовал.

– Скажи, стоит? – повторил он снова, и Марион кивнула.

– Разумеется, да, можешь не сомневаться. Моя работа дала мне все, что у меня есть. Все, что я хотела от жизни. – «За исключением Майкла, – добавила она мысленно. – И если я его потеряю...»

Тут Марион крепко закрыла глаза и поспешила отогнать от себя эту страшную мысль.

– Ладно, – проворчал Вик. – Даю тебе еще час. Через час я снова зайду проведать его, и, если ты все еще будешь там, вот тебе мое честное слово: я лично впорю тебе в задницу пару кубиков нембутала и прогоню спать. Тебе ясно?

– Совершенно. – Марион встала и, бросив на пол еще один окурок, потрепала врача по щеке. – И еще, Вик... – Она бросила на него взгляд из-под длинных каштановых ресниц, и на одно – очень короткое – мгновение ее лицо сделалось мягким, почти нежным. – Спасибо.

Викфилд, весьма польщенный, почтительно поцеловал ее в щеку и отступил на полшага назад.

– С ним все будет в порядке, Марион, вот увидишь, – сказал он.

Напомнить о девушке он не посмел – об этом можно было поговорить позже. Вместо этого он тепло улыбнулся и пошел по своим делам, оставив Марион стоять в коридоре. Она выглядела такой одинокой, потерянной и легкоуязвимой, что Викфилд искренне порадовался тому, что догадался позвонить Джорджу Каллоуэю. Марион обязательно нужен был кто-нибудь, кто мог бы поддержать ее в трудный час.

Он думал о ней до тех пор, пока не достиг лестницы, ведущей наверх, и все это время Марион стояла неподвижно и смотрела ему вслед. Только когда фигура врача исчезла из вида, она медленно повернулась и пошла по коридору в противоположном направлении, возвращаясь в палату Майкла. По пути она проходила мимо открытых и закрытых дверей, за которыми медленно угасали последние надежды и отсчитывали свои последние удары истекающие кровью сердца. Увы, немногим суждено было выйти за эти стены и снова увидеть небо и зеленые холмы: на четвертом этаже больницы помещались самые тяжелые пациенты, выздоровление которых, по свидетельству Вика, было весьма и весьма проблематично.

Марион, во всяком случае, явственно ощущала разлитую в воздухе тяжелую ауру человеческих страданий и отчаяния, но, как ни странно, из-за дверей не доносилось ни звука, и лишь из-за одной раздавались приглушенные жалобные всхлипывания. Они были такими тихими, что сначала Марион решила, что это ей чудится, и только потом, рассмотрев номер палаты, она поняла, *кто* может плакать так горько и безутешно.

Марион остановилась так резко, что со стороны могло показаться, будто она налетела на какое-то невидимое препятствие. Несколько мгновений она так и стояла неподвижно, глядя на приоткрытую дверь палаты и на мягкий полумрак внутри. Потом она повернулась и, сделав несколько шагов, остановилась на пороге.

В палате было так темно, что Марион не сразу рассмотрела даже кровать в углу. Жалюзи на окнах были опущены, и плотные портьеры задернуты, как будто пациенту был вреден дневной свет.

Она долго не решалась войти, хотя и знала, что должна это сделать. В конце концов Марион справилась с собой и сделала сначала один скользкий, осторожный шаг вперед, затем – другой и снова остановилась. Всклипывания теперь стали громче и чаще, и Марион разглядела на кровати очертания человеческой фигуры.

– Кто здесь? – Вся голова девушки была плотно забинтована, и голос звучал глухо и невнятно. – Кто здесь? – Она заплакала громче. – Я ничего не вижу.

Марион шагнула вперед, потом опять остановилась.

– В комнате темно, – сказала она. – Успокойся, с твоими глазами ничего не случилось, просто они закрыты бинтами...

Ее слова были встречены новыми рыданиями, и Марион слегка растерялась, но тотчас же взяла себя в руки.

– Почему ты не спишь?

Голос Марион звучал совершенно буднично и монотонно. Она пришла сюда вовсе не для того, чтобы кого-то утешать, и ее слова были лишены всяческих эмоций. Все происходящее несло на себе легкий налет ирреальности, и Марион даже захотелось ущипнуть себя,

чтобы убедиться, что она не спит и не грезит наяву. В душе ее шевельнулось что-то похожее на раскаяние, но она напомнила себе, что обязательно должна исполнить задуманное. Должна! Хотя бы ради Майкла...

– Разве тебе не дают никаких снотворных? – спросила она.

– Дают, только ничего не получается. Я все время просыпаюсь, – был ответ.

– Боль очень сильная?

– Н-нет... Просто все как будто онемело. Кто... кто вы?

Марион промолчала. Вместо этого она подошла к кровати вплотную и опустилась на жесткий пластмассовый стул. Руки девушки тоже были замотаны бинтами; они неподвижно лежали поверх тонкой простыни, словно что-то неживое, и Марион припомнила, как Вик говорил ей, что во время столкновения Нэнси машинально попыталась прикрыть руками лицо. Должно быть, поняла Марион, руки пострадали так же сильно, как и лицо, что было особенно печально, поскольку девчонка мнила себя художницей. Собственно говоря, конец пришел не только художественной карьере, но и всей жизни Нэнси. У нее не осталось ни работы, ни юности, ни красоты, ни любви...

Зато теперь у Марион было что ей сказать.

– Выслушай меня, Нэнси, – проговорила она и невольно замерла. За все время увлечения Майкла этой девчонкой она впервые произнесла это имя вслух, но теперь это не имело значения. – Знаешь ли ты, что... – в темноте ее голос прозвучал холодно и ровно, словно шелестел тонкий китайский шелк, – ...что случилось с твоим лицом?

В палате установилась неправдоподобная тишина, которая, казалось, способна продолжаться вечно. Потом из-под бинтов донесся чуть слышный всхлип.

– Они сказали тебе, что твое лицо изуродовано?

От этих слов сердце Марион непроизвольно сжалось, но выбора у нее не было. Она во что бы то ни стало должна была избавить Майкла от этой женщины. Если она освободит его, он будет жить. Почему-то Марион была совершенно в этом уверена.

– Тебе известно, что твое лицо восстановить очень трудно, практически невозможно?

Всхлипы стали сердитыми.

– Врачи все время врут мне. Они говорят...

– Есть только один человек, который может это сделать, Нэнси, но операция будет стоить сотни тысяч долларов. Ты не можешь себе этого позволить. И Майкл тоже не может.

– Я... – Последовал судорожный вздох. – Я никогда бы не позволила ему. Я... никогда...

Теперь Нэнси явно злилась на незнакомый голос, на темноту, на судьбу, которая обошлась с ней так жестоко.

– И что ты собираешься делать? – холодно осведомилась Марион.

– Не знаю...

Рыдания возобновились.

– Сможешь ли ты предстать перед ним... с таким лицом?

Прошло несколько минут, прежде чем Марион услышала приглушенное бинтами неуверенное «нет».

– Не думаешь же ты, что Майкл будет по-прежнему любить тебя, когда увидит тебя *такой*? Безусловно, он будет стараться, ибо он знает, что такое верность и чувство ответственности, но долго ли это продлится? И как долго ты сама сможешь выдерживать это, зная, как ты выглядишь и что ему стоит не замечать твоего уродства?..

Звуки, которые теперь доносились из-под бинтов, тронули бы и каменное сердце. Как будто смертельно раненный зверек скулил в темноте от боли и отчаяния. Время от времени горло Нэнси перехватывала сильная судорога, словно ее тошнило, и Марион мимолетно подумала, что, если она не будет держать себя в руках, ее может вырвать.

– Выслушай меня внимательно, Нэнси, и постарайся понять... От тебя ничего не осталось. Буквально ничего. Тебя нет, и той жизни, которая была у тебя до вчерашнего дня, тоже нет. Это ясно?

Нэнси долго не отвечала, и Марион даже начало казаться, что она так и не дожидается от нее ничего, кроме горьких всхлипываний и сдавленных рыданий. Вместе с тем она понимала, что девчонка должна как следует прочувствовать ситуацию, иначе из ее затеи ничего не выйдет.

– Ты уже потеряла его, Нэнси, – негромко сказала Марион. – Потеряла навсегда. Я знаю – ты не сможешь причинить ему такую боль, обречь его на мучения. Он... он заслуживает лучшей жизни, честное слово! Если ты действительно любишь его, ты согласишься со мной. Что касается тебя, Нэнси, то судьба обошлась с тобой несправедливо, но ты могла бы начать жизнь сначала. Да, могла бы!..

Лежащая на кровати девушка даже не потрудилась ответить. Она продолжала всхлипывать, но Марион не сомневалась, что она все слышит и понимает.

– Да, Нэнси, ты могла бы начать новую жизнь. В твоём распоряжении будет весь мир... – Марион дождалась перерыва между рыданиями и добавила: – Для этого тебе нужно новое лицо. И ты могла бы его получить.

– Как?

– В Сан-Франциско есть один талантливый хирург, который мог бы вернуть тебе твою красоту. Он один может провести восстановительные операции на нервах и сухожилиях с такой точностью, что ты снова сможешь рисовать. Конечно, на это потребуется много времени, но дело того стоит... Не правда ли, Нэнси?

В уголках губ Марион появилась едва заметная улыбка. Впервые за все время она ступила на знакомую почву. То, что ей осталось сделать, было очень похоже на крупную сделку, которых за свою жизнь она заключила бесчисленное множество.

Из-под бинтов донесся прерывистый вздох.

– Мы не можем себе этого позволить...

Услышав «мы», Марион снова вздрогнула. Ни о каком «мы» больше не могло быть и речи! Да и никогда не было – Майкл был Майклом, а эта сирота без роду без племени всегда оставалась чужой, посторонней. Кто ей дал право говорить о ее сыне и о себе «мы»?

Марион вдохнула полной грудью и медленно выдохнула. Соберись, приказала она себе. Это нелегкая работенка, но ты с ней справишься!

Именно так – как важное дело в ряду других важных проблем – она рассматривала то, что ей предстояло. О том, что будет с Нэнси, Марион не думала. Только Майкл имел для нее значение.

– Ты не можешь себе этого позволить, Нэнси, верно. Но зато я могу. Ты ведь знаешь, кто я такая?

– Да.

– И ты понимаешь, что потеряла Майкла? Что он все равно не сможет смириться с тем, что произошло с тобой, если вообще выживет после аварии. Ты это понимаешь, Нэнси?

– Да.

– И ты согласна, что с твоей стороны будет бесчестно, непорядочно и жестоко подвергать его этой пытке, заставляя день за днем доказывать свою верность и преданность калеке, в которую ты превратишься?

Она намеренно не сказала «любовь». По ее глубокому внутреннему убеждению, девчонка не заслуживала любви Майкла. Да и чувство, которое питал ее сын к этой убогой, вряд ли было столь глубоко, чтобы назвать его этим словом.

– Ты понимаешь это, Нэнси?

Последовала короткая пауза.

– Ну так как?

– Да. – Это третье по счету «да» прозвучало совсем слабо и безысходно, словно Нэнси утратила и мужество, и надежду.

– И тебе ясно, что ты потеряла все – абсолютно все, что у тебя было. Ты согласна?

– Да. – Теперь в голосе Нэнси не было уже никаких чувств, никаких эмоций. В нем даже не было ничего живого, словно она уже умерла.

– Так вот, Нэнси, я хотела бы сделать тебе одно предложение...

Марион хорошо понимала, что, если бы Майкл слышал ее сейчас, он без колебаний прикончил бы ее, но она не могла не гордиться мастерством, с каким она выбирала самый подходящий момент, чтобы навязать окружающим свою волю. Нэнси была раздавлена, уничтожена, и Марион не сомневалась, что сумеет заставить ее поступить так, как ей хочется.

– Я хотела бы, чтобы ты подумала о своем новом лице. О новой жизни и о новой Нэнси. И о том, что это тебе даст. Ты снова будешь хороша собой, у тебя будут друзья, ты сможешь спокойно ходить по магазинам, бывать в кино и в театре. Ты сможешь модно одеваться и встречаться с мужчинами. По-моему, это гораздо лучше, чем пугать людей своим обезображенным лицом. Ведь без операции ты будешь... чудовищем. Ты будешь вызывать у окружающих отвращение и жалость, ты не сможешь никуда выходить, не сможешь ни работать, ни иметь друзей. Каково тебе будет тогда? Но, к счастью, Нэнси, у тебя есть выход...

Марион ненадолго замолчала, выжидая, пока ее слова дойдут до сознания девушки.

– У меня нет выхода, – глухо ответила Нэнси.

– Нет, есть. Я могла бы тебе помочь, могла бы дать тебе новое лицо и новую жизнь. Я куплю квартиру в другом городе, где ты сможешь жить, пока врачи будут работать над твоими руками и лицом, и обеспечу тебя всем необходимым. У тебя будет все, что ты захочешь, Нэнси, и через год или полтора ты станешь совсем другим человеком. Кошмар останется позади.

– А потом?

– Потом – ничего. Ты будешь совершенно свободна. У тебя будет новая жизнь и кое-какие новые возможности, если только... – Последовала бесконечно долгая пауза, во время которой Марион готовилась выложить свой главный козырь. – Если ты только пообещаешь никогда больше не встречаться с Майклом. Я полностью оплачу твои расходы на лечение, если ты откажешься от моего сына и поклянешься никогда больше не искать встречи с ним. Подумай хорошенько, Нэнси! Ведь если ты сейчас не примешь моего предложения, Майкла ты все равно потеряешь. Ты *уже* его потеряла, так зачем тебе мучиться всю оставшуюся жизнь? Зачем оставаться калеккой, уродиной, если можно этого избежать?

– Что, если Майкл не захочет играть по вашим правилам? Что, если он не захочет расстаться... и будет искать встреч со мной?

– От тебя, Нэнси, мне нужно только одно: чтобы ты пообещала мне, что будешь держаться от Майкла подальше. Что будет делать Майкл – это уж ему решать.

– И вы... вы согласны заключить наш договор на таких условиях? Если... если я еще буду нужна Майклу, если он станет разыскивать меня, то вы все равно готовы выполнить все, о чем сейчас говорили?

– Да, в любом случае я намерена исполнить свои обязательства.

И Нэнси, незрячая, страдающая от боли, лежащая в чужой, темной комнате, Нэнси, которая всего секунду назад была раздавлена, уничтожена и не знала, куда деваться от горя и отчаяния, неожиданно почувствовала себя победительницей. Она знала Майкла гораздо лучше, чем его собственная мать, и ни секунды не сомневалась, что он не бросит ее на произвол судьбы. Он непременно разыщет ее, чтобы помочь преодолеть все трудности.

Но к этому времени она уже будет на пути к выздоровлению, на пути к тому, чтобы снова стать собой. В этом пари мать Майкла просто не могла выиграть, как бы она ни ста-

ралась, и Нэнси даже подумала, что поступает не совсем честно, принимая ее предложение. Впрочем, выбора у нее действительно не было. Она должна была сказать Марион «да».

– А ты? Ты обещаешь? – Марион склонилась над Нэнси и, сдерживая дыхание, напряженно ждала слов, которые освободили бы Майкла от этой обузы.

И она их услышала, но для Нэнси эти слова означали победу, а не поражение. В них сосредоточилась вся ее вера в Майкла и в его любовь. Нэнси хорошо помнила его слова, сказанные над спрятанными под камнем смешными пластмассовыми бусами. Майкл поклялся, что никогда не скажет ей «прощай», и она не могла не верить ему.

– Так каков будет твой ответ, Нэнси? – томясь неизвестностью, поторопила ее Марион. Она уже всерьез начинала опасаться за свое сердце, которое отчаянно колотилось в груди. Оно могло попросту не выдержать напряжения.

– Да, – ответила Нэнси. – Я обещаю...

Глава 5

Марион Хиллард, одетая в черное платье из тонкого джерси и черный бархатный жакет от Кардена, стояла в дверях больницы, наблюдая за тем, как двое санитаров грузят в машину «Скорой помощи» носилки, на которых лежала Нэнси. На часах было шесть утра, но за прошедшие двенадцать часов она больше ни разу не разговаривала с девушкой. После того как они заключили свой договор, Марион сразу же нашла Викфилда и попросила его позвонить хирургу из Сан-Франциско.

Викфилд был вне себя от радости. Он звонко расцеловал Марион в обе щеки и тут же стал звонить. Питера Грегсона он застал дома. Выслушав Вика, знаменитый хирург ответил согласием, но попросил, чтобы Нэнси переправили к нему на Западное побережье как можно скорее, и Марион сразу же перезвонила в Бостонский аэропорт и зарезервировала специальные места в салоне первого класса на восьмичасовой рейс до Сан-Франциско для Нэнси и двух сиделок. Стоило это недешево, но за расходами Марион не постояла, и счастливый Вик стал готовить пациентку к отправке.

– Этой мисс Макаллистер крупно повезло, – сказал Викфилд, подходя к Марион, которая только что раздавила носком туфли очередную сигарету.

– Да, – коротко ответила Марион, бросая на врача быстрый взгляд. – Кстати, Вик, имей в виду: я не хочу, чтобы Майкл об этом знал. Надеюсь, ты меня понимаешь?

Викфилд понимал ее очень хорошо. Настолько хорошо, что расслышал в ее тоне вполне отчетливое и недвусмысленное «а иначе...».

– Если проговорится кто-то из медперсонала или ты сам расскажешь Майклу что-то из того, что здесь произошло, я немедленно заберу его отсюда, ясно?

– Но почему? – удивился Викфилд. – Мне кажется, Майкл имеет полное право знать, что ты сделала для девочки.

– И тем не менее я хочу, чтобы это осталось между нами, Вик. Между нами четверыми, включая Нэнси и Грегсона. Майклу вовсе не обязательно знать обо всем, что я делаю и почему. Когда он придет в себя, никто из персонала не должен даже упоминать при нем о девочке. Это только напрасно его взволнует.

Если, конечно, он придет в себя... Несмотря на отчаянные протесты Викфилда, Марион всю ночь просидела возле кровати сына. Она то дремала, то снова просыпалась, но так и не пошла отдыхать. После разговора с девчонкой она испытала неожиданный подъем и прилив сил. Нэнси отеклась от Майкла, и Марион больше не сомневалась, что ее сын будет жить. В каком-то смысле решение Нэнси давало новую жизнь им обоим, и Марион ни минуты не сомневалась в том, что поступила правильно.

– Ты ведь не скажешь ему, Роберт? – снова спросила она, и Викфилд вздрогнул. Марион называла врача по имени только тогда, когда ей хотелось напомнить, что сделали Хилларды для его больницы.

– Разумеется, нет, если ты этого хочешь.

– Да, я этого хочу.

Задняя дверца «Скорой помощи» негромко скрипнула, закрываясь, и перед глазами Марион в последний раз мелькнули спины сиделок и голубые простыни, которыми было укрыто тело девушки. Сиделки должны были сопровождать Нэнси до Сан-Франциско и оставаться там с ней в течение восьми-девяти месяцев. По истечении этого срока, как уверял Грегсон, пациентка уже сможет обходиться без посторонней помощи, однако в первые полгода – пока он будет работать над восстановлением ее лица, ее глаза большую часть времени будут забинтованы. Фактически ему нужно было реставрировать почти все лицо целиком, так что Марион это не удивило.

Существовали и другие аспекты восстановительной операции, о которых Марион не подумала. По словам Грегсона, Нэнси необходимы были постоянные консультации психоаналитика в период, когда она будет привыкать к своему изменившемуся лицу. У неподготовленного человека знакомство со своим новым обликом могло вызвать настоящий шок, а хирург сразу сказал, что Нэнси уже никогда не будет такой, какой она была.

Грегсон предупредил, что ему придется создавать не только новое лицо, но и совершенно новую личность, однако Марион эта перспектива нисколько не взволновала. Напротив, рассудила она, так будет даже лучше. Измененная внешность девчонки сводила на нет опасность ее случайной встречи с Майклом в аэропорту, в магазине или где-нибудь еще, а Марион твердо знала, что это было практически единственным, что угрожало ее замыслам.

Подумав об этом теперь, Марион мысленно припомнила свой разговор со знаменитым хирургом, который состоялся всего пару часов назад – в четыре утра по местному и в час ночи по Тихоокеанскому времени. Они с Грегсоном подробно обсудили все, что может понадобиться, и Марион была в душе очень довольна, слыша бодрый и жизнерадостный баритон энергичного сорокалетнего человека, который сумел добиться выдающихся успехов в своей области.

Викфилд был совершенно прав, когда сказал, что девчонке чертовски повезло. Питер Грегсон был настоящим светилом пластической хирургии и деловым человеком вдобавок. Стоимость восемнадцати месяцев восстановительной хирургии плюс кое-какие добавочные издержки, включавшие консультации психоаналитика, услуги сиделок, проживание, питание и гардероб, он определил в четыреста пятьдесят тысяч долларов. Эта сумма совпадала с расчетами Марион, и она пообещала, что в девять часов, когда откроется банк, она сразу же позвонит туда и попросит перевести все деньги в банк в Сан-Франциско, так что на счет Грегсона они будут зачислены, когда на побережье начнется рабочий день. Хирург ответил, что вовсе не обязательно так торопиться, что он вполне доверяет ей и что он сейчас же даст указание секретарю подыскать для мисс Макаллистер подходящую квартиру. В том, что он нисколько не сомневался в ее слове, не было ничего удивительного. Грегсон прекрасно знал, кто такая Марион Хиллард.

Да и кто этого не знал?..

– Не хочешь подняться ко мне в кабинет и перекусить? – предложил Викфилд, утративший последнюю надежду как-то повлиять на свою упрямую пациентку.

Каллоуэй, которого он надеялся использовать как союзника, сказал, что его задерживают неотложные дела и что он вряд ли сумеет вылететь из Нью-Йорка раньше сегодняшнего утра. Викфилд не знал, что Марион сама позвонила Джорджу и велела оставаться в офисе, чтобы решать неотложные дела. Но главная причина заключалась в другом: Марион просто не хотела, чтобы Каллоуэй был рядом, когда она будет решать свои вопросы. И, похоже, пока все складывалось удачно.

– Марион?

– Что?

– Как все-таки насчет завтрака?

– Позже, Вик, позже. Сейчас я хочу видеть Майкла.

Викфилд вздохнул:

– Ну что ж, идем. Я как раз собирался проведать его.

По дороге Марион все же зашла в дамскую комнату, и врач пошел в палату Майкла один. Впрочем, никаких перемен Вик не ожидал: в последний раз он побывал там всего час назад, и все было по-прежнему.

Однако когда пять минут спустя Марион вошла в палату сына, в ней царил странная тишина. Викфилд только что встал с краешка койки, куда он садился, чтобы осмотреть пациента, и выражение его лица было каким-то торжественным и сосредоточенным. Косые лучи

бьющего в окно утреннего солнца медленно ползли по крахмальным простыням на кровати Майкла; в углу монотонно капала из крана вода, и раковина из нержавеющей стали отзывалась на падение каждой капли чуть слышным басовитым гулом; с зудением билась в стекло случайная муха.

«Тихо, как в могиле...» – машинально подумала Марион, и тотчас же ее сердце отчаянно подпрыгнуло в груди. О господи, нет!!! Ее руки взлетели к губам. Точно такая тишина была в палате, когда Фредерик...

Марион застыла на пороге, не в силах сделать ни шага, и только беспомощно переводила взгляд с кровати сына на врача и обратно.

И вдруг она увидела его – своего мальчика. Слава богу, он был жив и смотрел на нее широко открытыми глазами. Слава богу!.. Марион подавила рыдание и, протягивая к сыну руки, неверным шагом двинулась вперед. Оказавшись у самой койки, она наклонилась и бережно коснулась кончиками пальцев его лица.

– Привет, мам... – Голос Майкла был совсем слабым, незнакомым, хриплым, но все равно это были самые прекрасные слова, какие Марион слышала в своей жизни. Она улыбнулась в ответ, и слезы облегчения потекли по ее щекам.

– Дорогой мой...

– Мама... Я очень люблю тебя, мама!

Глядя на них, Викфилд расчувствовался настолько, что в глазах у него защипало. Подозрительно шмыгнув носом, врач выскользнул за дверь, но ни Майкл, ни Марион даже не заметили его ухода. Прижимая к груди голову сына, Марион гладила его по волосам и думала о том, как он дорог ей. Что бы она делала, если бы потеряла его?

– Ну, мама, успокойся, не надо плакать! Я хочу есть, мама, – пробормотал Майкл, и Марион рассмеялась сквозь слезы. Он жив, жив, пело ее сердце. И целиком принадлежит ей одной!

– Сейчас мы организуем для тебя самый большой, самый вкусный и самый питательный завтрак, какого ты еще никогда не ел, – пообещала она и тут же спохватилась: – Конечно, если Вик разрешит...

– К черту Вика, ма, я умираю с голода.

– Майкл! – Марион нахмурилась, но сразу же поняла, что не может на него сердиться.

Она могла только любить его и... оберегать – оберегать от всего, чего бы это ни стоило. Бросив взгляд на лицо сына, Марион увидела, что Майкл неожиданно помрачнел, по-видимому, вспомнив о том, где он находится и что привело его сюда. До этого он вел себя точно так же, как в один далекий день, когда ему удаляли миндалины. Когда Майкл очнулся после легкого наркоза, ему нужны были только мама и мороженое, которое он очень любил, но сейчас его лицо выражало слишком многое...

– Мама... – Майкл попытался сесть, но тотчас же снова откинулся на подушку. Было видно, что он отчаянно хочет что-то спросить, но не знает как. Глаза Майкла лихорадочно шарили по лицу Марион, а пальцы слабо стискивали руку.

– Успокойся, родной, тебе нельзя волноваться.

– Скажи, мама... другие... Те, кто был со мной прошлым вечером?.. Я помню, мы...

– Бен уже вернулся в Бостон. Отец забрал его. У него несколько переломов, но он скоро поправится. Бен легко отделался... – Марион вздохнула и в свою очередь сжала пальцы сына. Она знала, о чем он сейчас спросит, и заранее приготовила ответ.

– А... Нэнси? – Лицо Майкла напряглось, напоминая гипсовую маску. – Нэнси, мам? Она...

Глаза его наполнились слезами. Ответ на свой вопрос Майкл прочел на лице матери – прочел, но все еще не верил.

Марион опустилась в кресло в изголовье его кровати и нежно погладила сына по щеке.

– Мужайся, мальчик. Твоя Нэнси... Она не пережила этой ночи. Врачи сделали все, что могли, но травма была слишком серьезной. – Марион сделала паузу. – Она умерла сегодня утром.

– Ты... видела ее? – Он по-прежнему пристально вглядывался в ее лицо, словно все еще надеясь, что это просто неудачная шутка.

– Прошлым вечером я сидела с ней... полчаса или около того.

– О господи!.. Как же так, ма? Она умирала, а меня не было рядом!.. О, Нэнси!..

Майкл уткнулся лицом в подушку и зарыдал, как ребенок, и Марион нежно обняла сына за плечи. Он без устали твердил дорогое имя, и каждый раз Марион чуть заметно вздрагивала, словно от удара бича. К счастью, Майкл был слишком слаб. Рыдания вскоре стихли, но когда он повернулся к матери, она заметила в его лице новое, пугающее выражение, какого никогда прежде не видела. Можно было подумать, что вместе с Нэнси от Майкла ушла частица его души, частица сердца. Что-то умерло в нем, чтобы никогда не воскреснуть, и виновата в этом была она – Марион.

Глава 6

Нэнси почувствовала, как содрогнулся фюзеляж выпускающего шасси авиалайнера, и, наверное, в тысячный с начала полета раз, вслепую зашарила по одеялу своими забинтованными кульями, ища руки, которые дарили ей успокоение и надежду. Прикасаться к рукам сиделок было на удивление приятно, и Нэнси с удовольствием отметила, что уже научилась различать их. У одной женщины были тонкие, изящные кисти с длинными прохладными пальцами, но в них была заключена надежная сила, способная удержать человека на краю и не дать ему свалиться в пучину отчаяния. От одного их прикосновения Нэнси сразу начала чувствовать себя храбрее. У другой сиделки пальцы были теплые и мягкие; от этих рук веяло почти домашним уютом и безопасностью. Эта сестра часто трепала Нэнси по плечу, и именно она сделала ей два болеутоляющих укола. Голос у нее был мягкий, негромкий, баюкающий, в то время как первая сестра говорила с легким иностранным акцентом, который делал ее голос холодноватым, строгим. Как бы там ни было, Нэнси успела полюбить обеих и жалела только о том, что не может увидеть их лиц.

– Теперь уже скоро, милая, потерпи еще немножко. В окно уже видно залив. Ты и оглянуться не успеешь, как мы будем на месте... – по очереди приговаривали сиделки.

На самом деле самолет должен был приземлиться через добрых двадцать пять минут, и Питер Грегсон, мчавшийся по шоссе в новеньком черном «Порше», прекрасно знал, что именно столько времени у него есть в запасе. Машина «Скорой помощи» должна была встретить его в аэропорту, с нею же он и рассчитывал вернуться, а что касалось «Порше», то за ним Питер собирался послать одну из своих секретарш.

Новая пациентка весьма занимала его. Должно быть, рассуждал он, эта Нэнси Макаллистер много значит для Марион Хиллард, если она так о ней заботится. Четыреста пятьдесят тысяч долларов, из которых на долю Питера приходилось около трехсот, были для него весьма значительной суммой. Все остальное должно было быть истрачено на то, чтобы, находясь на лечении, девушка ни в чем не нуждалась. Питер обещал это Марион Хиллард.

Впрочем, он все равно проследил бы за тем, чтобы устроить Нэнси с максимальным комфортом, даже если бы ему пришлось потратить на это часть собственных денег. Питер Грегсон как никто другой знал, насколько успех при сложных пластических операциях зависит от душевного спокойствия пациента. Кроме того, он должен будет поближе познакомиться с этой девушкой, заглянуть к ней в самую душу, чтобы она научилась доверять ему. Это было важно, поскольку им предстояло стать не просто друзьями: в ближайший год он будет для Нэнси Макаллистер всем, как, впрочем, и она для него.

А иначе просто не могло быть, потому что к тому моменту, когда Питер завершит работу над ее лицом, Нэнси должна психологически подготовиться к своему второму рождению. И именно Грегсону суждено было стать тем, кто – после долгих восемнадцати месяцев кропотливого труда – даст жизнь новой Нэнси Макаллистер. Разумеется, не все зависело только от него; сама Нэнси должна была собрать все свои силы и мужество, чтобы вынести множество сложных операций, но Питер уже решил, что обязательно проследит за этим. С какими бы трудностями они ни столкнулись, они будут встречать их вместе, помогая друг другу в меру сил и возможностей.

Мысль об этом привела Питера в отличное настроение. Впрочем, он всегда любил свою работу и отдавал ей всю душу. И в какой-то мере Питер уже любил эту незнакомую девушку, которую судьба вручала ему для того, чтобы он исправил ее ошибку. Ему уже нравилось то, что он из нее сделает; нравилось, какой будет Нэнси после того как он заново вылепит ее из сырой глины, в которую она превратилась после катастрофы.

Подобные тщеславные мысли приходили в голову Питеру нечасто, однако он прекрасно знал себе цену и не был склонен к ложной скромности. Он знал, что сделает все, что от него требуется, даст этой бедной девочке все, что должен дать. И тогда она сможет начать новую, быть может, более счастливую жизнь.

Бросив взгляд на часы, Питер прибавил газ, и «Порше» стрелой понесся по шоссе. После хирургии вождение автомобиля было его вторым любимым занятием. Кроме различных марок машин, Грегсон сам пилотировал свой личный самолет, а когда у него было свободное время – занимался подводным плаванием с аквалангом или ездил в Европу, чтобы подниматься в горы. По характеру он был человеком, которому нравится покорять самые недоступные вершины, бросать вызов невозможному и побеждать.

Именно за это Питер так любил свою работу. Порой его обвиняли в том, что он изображает из себя Господа Бога, но дело было не в этом – просто чем меньше были шансы на успех, тем с большей охотой Питер брался за самые сложные операции. Для него это был могучий стимул, и Питер не знал неудач. Ни неприступные горы, ни морские глубины, ни женщины, ни пациенты не смогли нанести ему поражения; в свои сорок семь он все еще оставался победителем и собирался побеждать и побеждать вновь.

И он ни секунды не сомневался, что в случае с Нэнси его тоже ждет успех.

Слегка улыбаясь своим мыслям, Питер поудобнее откинулся на спинку водительского сиденья. Врывавшийся в приоткрытое окошко тугой ветер трепал его тронутые сединой волосы, но голубые глаза поблескивали и искрились жизнью, а губы были упрямо сжаты. Неделию назад Питер вернулся в Сан-Франциско после отдыха на Таити, и ровный загар, покрывавший его по-молодому упругую, гладкую кожу, еще не успел сойти. Знаменитый хирург знал толк в одежде – мягкие серые брюки и голубой кашемировый джемпер, прекрасно сочетавшийся с цветом глаз, довершали его образ.

Впрочем, Питер всегда одевался со вкусом и был исключительно привлекательным мужчиной, однако не это было главным в нем. Главным была жизненная сила, кипучая, бьющая через край энергия и внутренний магнетизм, которые привлекали к нему гораздо больше внимания, чем внешность.

Питер затормозил у здания аэропорта в ту самую минуту, когда самолет Нэнси коснулся бетона посадочной полосы. Выйдя из машины, он протянул дежурному полисмену специальный пропуск, и коп, кивнув, пообещал присмотреть за «Порше». И в этом не было ничего удивительного: Питер был из тех людей, к которым просто нельзя относиться равнодушно. Разговаривая с ним, даже полисмены начинали улыбаться – такими действенными были его обаяние и внутренняя энергия, которые сквозили в каждом слове, в каждом жесте, и, чувствуя их, даже посторонние люди начинали тянуться к Питеру.

Войдя в главный зал терминала, Питер быстро разыскал дежурного по аэропорту и объяснил ситуацию. Дежурный переговорил с кем-то по радиотелефону, и через минуту Питера уже провели через служебный вход на летное поле и, усадив в электрокар, доставили к самолету, возле которого стояла машина «Скорой помощи».

Поблагодарив водителя, Питер поспешил к «Скорой», в которой сидели два санитар и служащий аэропорта, ожидавшие, пока откроется дверь и пациента можно будет выгрузить из самолета.

Первым делом Питер заглянул внутрь санитарной машины, чтобы убедиться, что все его указания выполнены в точности. Все было в порядке. В машине было все необходимое и даже чуть больше, поскольку никто не знал, как Нэнси перенесет полет. В том, чтобы транспортировать ее сразу после аварии, была известная доля риска, но Питер хотел, чтобы пациентку доставили к нему в Сан-Франциско как можно скорее. Работы предстояло много, и он собирался начать уже через несколько дней. В данном случае время работало против них.

Выход остальных пассажиров был задержан на несколько минут, пока санитары спускали по трапу носилки, на которых лежала Нэнси. Стюардессы с жалостью косились на ее бинты и на прикрепленные к носилкам капельницы и гибкие шланги, некоторые даже отворачивались. Питер отметил, что сиделки умело обращаются со своей пациенткой. Сиделки ему сразу понравились – они были достаточно молоды, однако в их уверенных движениях чувствовался большой опыт и хорошая подготовка. Кроме того, они, похоже, умели работать вдвоем, а именно этого он хотел больше всего. На ближайшие восемь-десять месяцев им всем предстояло стать членами одной команды, и характер взаимоотношений внутри этого маленького коллектива мог иметь решающее значение. Для успешного лечения не было врага хуже, чем некомпетентность, небрежность, психологическая несовместимость. Здесь каждый должен был стараться изо всех сил – каждый, и в особенности сама Нэнси, но Питер знал, что сумеет этого добиться. Именно ей предстояло стать главной звездой его шоу.

Дождавшись, пока носилки снесут вниз и поставят в салоне «Скорой помощи», Питер улыбнулся сиделкам, но ничего не сказал. Сделав им знак подождать, он забрался в машину и сел на сиденье рядом с Нэнси. Взяв ее руку в свою, Питер заговорил:

– Здравствуй, Нэнси, меня зовут Питер. Как долетела? – Он разговаривал с ней спокойно и уверенно, как будто она все еще была нормальным человеком, а не безликим, замотанным бинтами манекеном, и это подействовало. Питер буквально физически почувствовал, как при звуке его голоса по телу Нэнси прокатилась волна облегчения и радости.

– Прекрасно... А вы доктор Грегсон? – Голос ее был усталым, но в нем сквозили любопытство и интерес.

– Да, я доктор Грегсон, но ты лучше называй меня по имени. Во-первых, я не такой уж старый, а во-вторых, «Питер» звучит не так официально. Ведь нам с тобой предстоит работать бок о бок целых полтора года, так что...

Нэнси очень понравилось, как он это сказал, и если бы она могла, то непременно улыбнулась бы в ответ на эти слова.

– Я не говорила, что вы старый, – возразила она.

Питер рассмеялся.

– Доктор Грегсон, мистер Грегсон... – проговорил он. – Так и видишь перед собой этого старикашку с брюшком, седенькой бородкой и в золотых очках. Можешь мне поверить – я совсем не такой. Ты скоро сама в этом убедишься.

– И вы... Ты приехал сюда, чтобы встретить меня?

– Почему бы нет? И потом, разве на моем месте ты не приехала бы встретить меня?

– Да. – Нэнси захотелось кивнуть, но она не смогла. – Спасибо...

– И я рад, что сделал это, – решительно сказал Питер. – Ты была когда-нибудь в Сан-Франциско, Нэнси?

– Нет.

– Ну, я уверен, что тебе здесь понравится. Мы подберем такую квартиру, что тебе самой не захочется никуда уезжать. Большинство людей, которые приезжают в Сан-Франциско, так и остаются здесь навсегда – они как будто корни пускают, так что через год-два их уже не заставишь тронуться с места, хоть озолоти. Я тоже приехал в Сан-Франциско из Чикаго, и, поверишь ли, за все это время мне ни разу не пришлось в голову поискать местечка получше.

Нэнси сразу понравился голос этого человека, его манера говорить. Доверие к нему, надежда, что у них все получится, поселились в ее душе.

– А ты из Бостона?

Питер обращался к ней спокойно и очень дружелюбно, словно их познакомили на вечеринке близкие друзья. Он очень хотел, чтобы Нэнси расслабилась и передохнула после долгого и трудного перелета через всю страну, и намеренно задерживал отъезд в госпиталь. Ей нужно было просто полежать спокойно хотя бы несколько минут, да и сиделки, оживленно

болтавшие с санитарями, были рады возможности слегка размяться после полета. Время от времени они посматривали на Грегсона, который продолжал доброжелательно беседовать с Нэнси. Знаменитый хирург буквально излучал участие и теплоту, а они обе были уже достаточно опытными сиделками, чтобы знать, как много это значит для больного.

– Нет, – ответила Нэнси. – Я из Нью-Гемпшира. Там, во всяком случае, находился сиротский приют, в котором я воспитывалась. В Бостон я переехала, когда мне исполнилось восемнадцать.

– О, как романтично!.. Скажи, это был классический сиротский приют? Как у Диккенса, да? – Питер владел поистине волшебным даром говорить о самых серьезных вещах легко, с юмором, и Нэнси совсем не задела его рассказы.

– Едва ли... Сестры-воспитательницы, во всяком случае, были просто удивительными. Одно время я сама хотела вступить в сестричество, чтобы ухаживать за детьми, которые остались без родителей.

– О боже... – Питер рассмеялся звучным, ласковым смехом. – А теперь послушайте меня, юная леди: когда мы с вами закончим нашу работу, у вас будет такое лицо, что вас сразу пригласят в Голливуд, и знаменитые продюсеры будут драться за то, чтобы заполучить вас в свои фильмы. И если вам после этого вздумается постричься в монахини, я... Вот тебе мое честное слово, Нэнси, – я прыгну в залив с самого высокого моста! Так что лучше пообещай мне, что никогда не оставишь мир и не удалишься в монастырь. Мир этого просто не перенесет...

И Нэнси готова была дать ему это обещание. Майкл ждал ее, и она должна была готовиться к встрече с ним. Нэнси давно рассталась со своей детской мечтой стать такой же, как сестра Эгнесс-Мария, однако сейчас она не смогла отказать себе в удовольствии слегка подразнить Грегсона.

– Ну ладно, так уж и быть – обещаю... – промолвила она с нарочитой неохотой, но в голосе ее звенел сдерживаемый смех.

– Разве это обещание? Ну-ка, скажи как следует: «Я, Нэнси Макаллистер, торжественно обещаю и клянусь...»

– Я обещаю...

– Что ты обещаешь?

– Обещаю, что не уйду в монастырь.

– Вот так-то лучше.

Нэнси уже готова была отправиться в дальнейший путь, а Питер не хотел утомлять ее лишними разговорами. Выпрямившись, он знаком показал сиделкам и санитарам, что пора ехать. Санитары сразу забрались в кабину «Скорой», а сиделки сели в салон рядом с носилками.

– Ну, Нэнси, представь меня своим подругам, – весело сказал Грегсон.

– Так, сейчас посмотрим... Прохладные руки у Гретхен, а теплые – у Лили, – ответила Нэнси, и ее ответ вызвал на их лицах улыбку.

– Спасибо, Нэнси.

Гретхен слегка пожала руку девушки, и Нэнси улыбнулась про себя. Ей было так хорошо и спокойно среди этих новообетенных друзей, что она совсем забыла о случившемся с ней несчастье и думала только о том, как будет выглядеть ее лицо, когда в конце концов все операции будут позади и она встретится с Майклом. Питер Грегсон ей сразу очень понравился, и она верила, что он сделает все возможное, чтобы вернуть ей приятную внешность, потому что она тоже ему не безразлична.

– Добро пожаловать в Сан-Франциско, Нэнси...

Теплые сильные пальцы хирурга легли на ее предплечье рядом с прохладными пальцами Гретхен и не выпускали до тех пор, пока «Скорая» не въехала в город. И, как ни странно, у Нэнси появилось такое чувство, будто после долгого отсутствия она вернулась домой.

Глава 7

Широкие задние дверцы «Скорой помощи» широко распахнулись, и санитары бережно внесли носилки Майкла в прохладный холл отеля. Здесь их уже встречал управляющий, специально спустившийся вниз, чтобы приветствовать важных гостей.

Марион зарезервировала в этом отеле роскошный люкс в самом верхнем этаже, хотя особой необходимости в этом не было. Просто ей казалось, что небольшая передышка между больницей и возвращением домой будет полезна Майклу. Кроме того, у Марион было в Бостоне несколько дел, требовавших ее личного присутствия, да и Майкл по каким-то одним ему понятным причинам настоял, чтобы два-три дня пожить в отеле и только потом ехать в Нью-Йорк. А Марион сейчас готова была удовлетворить любой его каприз.

Когда – уже в номере – санитары осторожно переложили его с носилок на кровать, лицо Майкла исказила недовольная гримаса.

– Ни к чему все это, мама, – проворчал он. – Со мной все в порядке. Врачи сказали, что я уже поправился.

– Все равно торопиться не нужно.

– Торопиться?..

Марион вручила санитарам чаевые, и оба бесшумно исчезли. Майкл тем временем огляделся по сторонам и поморщился. В огромной комнате было полным-полно живых цветов, а на столе у кровати стояла корзина с фруктами. Это был подарок от администрации, поскольку отелем владела не кто иной, как Марион. Она приобрела его несколько лет назад в качестве выгодного вложения капитала и с тех пор, наезжая в Бостон, каждый раз останавливалась только здесь.

– Тебе нельзя волноваться, дорогой. Отдыхай, постарайся поспать. Или, может, ты хотел бы что-нибудь съесть?

Марион хотела нанять Майклу специальную сиделку, но даже Викфилд сказал, что в этом нет никакой необходимости. Такое внимание не могло не показаться навязчивым, а это только еще больше раздражало бы Майкла. Все, что от него требовалось, это беречь себя и избегать перенапряжения в течение ближайших двух-трех недель. После этого, по мнению врачей, он мог приступить к работе. Но Майкл знал, что его ждет одно неотложное дело, и собирался исполнить его, как только сможет встать. Или как только мать ненадолго ослабит свой контроль.

– Так как насчет небольшого завтрака? – снова спросила Марион.

– Конечно, ма. Я хочу улиток в вине, устрицы а-ля Рокфеллер, бутылку шампанского, черепаший яйца и русскую икру. – И он сел в кровати, улыбаясь, словно расшалившееся дитя.

– Какой у тебя отвратительный вкус, дорогой, – не слушая его, ответила Марион, бросая взгляд на часы на каминной полке. – Впрочем, не стану тебе мешать – закажи что-нибудь сам, а ко мне с минуты на минуту должен прийти Джордж. В час дня у нас важные переговоры в деловом центре.

С этими словами она вышла в соседнюю комнату, чтобы подготовить необходимые бумаги. Через несколько секунд в дверь позвонили, и в номер вошел Джордж Каллоуэй.

– Рад тебя видеть, Майкл. Как ты себя чувствуешь?

– Чувствую себя полным лентяем, – бодрясь, ответил Майкл. – За все две недели, что я валялся в больнице, я палец о палец не ударил. Скорей бы уж на работу...

Он пытался шутить, но в глазах его была какая-то пустота и растерянность. Даже Марион не могла их не заметить, но она приписывала это действию перенесенной травмы. Любые другие объяснения она сознательно отгоняла от себя; ей не хотелось даже думать о

том, что в Майкле что-то надломилось, после того как он узнал о предполагаемой смерти Нэнси.

И ей это вполне удавалось. Во всяком случае, с Майклом они говорили о бизнесе, о проекте нового медицинского центра в Сан-Франциско, и никогда об аварии.

– Ничего, скоро мы тебя так нагрузим, что сам запросишься в отпуск, – неловко пошутил Джордж, садясь в ноги его постели. – Как раз сегодня я заглянул в твой новый кабинет, Майкл. Это что-то невероятное...

– Не сомневаюсь... – Майкл повернул голову и посмотрел на мать, которая как раз вернулась в комнату. На ней был светло-серый костюм от Шанель и голубая шелковая блузка. В ушах покачивались серьги с крупными жемчужинами; тройная нитка жемчуга спускалась ей на грудь. – У мамы отличный вкус.

– Да, – согласился Джордж и улыбнулся Марион, но она нервно отмахнулась от обоих.

– Хватит рассыпаться в комплиментах, поехали. Мы уже опаздываем. Джордж, ты приготовил нужные документы?

– Разумеется.

– Тогда пошли. – Она шагнула к кровати Майкла и, наклонившись, поцеловала его в макушку. – Отдыхай, дорогой. И не забудь заказать завтрак в номер.

– Слушаюсь, мэм. Удачных переговоров!

Марион слегка приподняла голову, и по лицу ее скользнула довольная улыбка.

– Удача здесь ни при чем, сын.

Майкл и Джордж дружно рассмеялись при этих словах. Как только Джордж и Марион вышли, Майкл, выждав из предосторожности несколько минут, сел на кровати и спустил ноги на пол.

Голова слегка кружилась, но отступать он не собирался. Вот уже две недели Майкл в тайне лелеял свой план, и сейчас наступил самый подходящий момент для его осуществления. Ради этого он жил, только об этом думал все две недели, пока лежал в больнице. Ради этого Майкл предложил матери – фактически настоял, на этом, – чтобы они на несколько дней задержались в бостонском отеле. Даже сегодня он всячески поощрял мать к тому, чтобы она не боялась оставить его одного и сходила-таки на деловую встречу по поводу строительства нового здания городской библиотеки. Майкл отлично знал, что переговоры будут длиться несколько часов, и рассчитывал использовать это время для осуществления собственного плана. Он просто не мог допустить, чтобы его поймали с поличным. Это бы все испортило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.